

169

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

БАСНИ
К. МАСАЛЬСКАГО.

БАСНИ.

БАСНИ

КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО.

С҃Ъ ЧЕТЫРНАДЦАТЬЮ КАРТИНКАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 22 Ноября 1850 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

ТИПОГРАФIЯ ШТАБА ОТДѢЛЬН. КОРПУСА ВНУТРЕН. СТРАЖИ.

ПИСЬМО ВЪ МОСКВУ,

МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ЗАГОСКИНУ.

—

Съ 1821-го года,—т. е. съ того времени, когда въ первый разъ были напечатаны нѣкоторые изъ моихъ литературныхъ опытовъ, —написалъ *я*, между прочимъ, до настоящаго времени пятьдесятъ басенъ. Половина изъ нихъ была помѣщена въ разныхъ журналахъ и другихъ изданiяхъ, половина появляется теперь въ первый разъ, въ печати. Позвольте посвятить мои басни вамъ въ знакъ искренняго, глубокаго уваженiя къ вашему таланту, который доставлялъ и до-

ставляетъ столько наслажденія всѣмъ любителямъ отечественной словесности.

Не имѣя дара предвѣдѣнія, предскажу вамъ однакожъ почти навѣрное, что *нѣкоторые* изъ критиковъ воскликнутъ нѣчто въ этомъ родѣ: «Какъ! осмѣлиться писать и печатать басни послѣ безсмертнаго, неподражаемаго Крылова! Да это такая смѣлость, такое литературное преступленіе, за которое перо такого-то, по неумолимому закону критики, подлежитъ строжайшему наказанію, брошенію въ воду, или сожженію на кострѣ.» Послѣ этого вступленія посыплются отеческіе совѣты, посильныя остроты, сарказмы, сожалѣнія, удивленія, восклицанія и другія риторическія фигуры. Предсказываю вамъ, что этимъ *нѣкоторымъ* критикамъ, имѣющимъ чувство *артистичности*, въ особенности не понравятся басни: *Сычъ*, *Волынка и Трещетка* и т. п. Они хоть и не признаются въ этомъ, но за то покажутъ свою ужасную, всеразрушающую силу надъ другими моими баснями. Бѣдныя басни! Жаль мнѣ васъ, но что же дѣлать! Нѣтъ никакого способа избавить васъ отъ этого бѣдствія. Утѣшьтесь впрочемъ, и подождите: что̀ скажутъ про васъ Михаилъ

Николаевичъ Загоскинъ и другіе безпристрастные, заслуженые литераторы, которые, не гоняясь за *тенденціею* и чувствомъ *артистичности*, говорятъ, просто, правду, не смотря на лицо, или, яснѣе сказать по-русски, на *индивидуумъ*. Вотъ, если подобные литераторы и критики скажутъ, что вы, басни, очень плохи; то, не смотря на мою извинительную, всѣмъ писателямъ свойственную, отеческую любовь, и я скажу вамъ тогда: «очень плохо!» Попытаюсь, впрочемъ, изъ родительской, предусмотрительной любви, нѣсколько умилостивить *нѣкоторыхъ* критиковъ и въ нѣкоторой степени оправдать васъ предъ ними, хотя и не думаю, чтобъ это было возможно, судя по тѣмъ отношеніямъ, которыя существуютъ между мною и *нѣкоторыми* критиками. Если допустить справедливость восклицанія: «Какъ! писать и печатать басни послѣ Крылова!» то логически слѣдуетъ признать справедливыми и всѣ слѣдующія восклицанія: «Какъ! писать трагедіи или комедіи послѣ Шекспира, Шиллера, Мольера, Фонъ-Визина, Грибоѣдова и проч. и проч. Какъ! писать романы и повѣсти послѣ Сервантеса, Вальтеръ-Скотта, Загоскина, Марлинскаго и проч. и

проч. Какъ! писать въ такихъ-то родахъ словесности послѣ такихъ-то знаменитыхъ писателей. Какъ! писать критики послѣ Шлегеля, Филарета Шаля и имъ подобныхъ критиковъ!» Результатъ всѣхъ этихъ восклицаній будетъ неизбѣжно тотъ, что не должно писать ничего. Тогда нельзя будетъ упражняться и въ критикахъ, потому что критиковать будетъ нечего. Примите во вниманіе, что я вовсе не имѣлъ мысли подражать Крылову по очень хорошей причинѣ. Вы считаете, и я согласно со всѣми считаю нашего знаменитаго баснописца *неподражаемымъ*. Кому же придетъ въ голову подражать неподражаемому? Крыловъ даже въ своихъ переводахъ и подражаніяхъ сталъ выше подлинниковъ. Приведемъ, въ доказательство нами сказаннаго, прелестную басню Лафонтена и подражаніе Крылова.

LE COCHE et LA MOUCHE.

Dans un chemin montant, sablonneux, malaisé,
Et de tous les côtés au soleil exposé,
Six forts chevaux tiraient un coche.
Femmes, moine, vieillards, tout était descendu:
L'attelage suait, soufflait, était rendu.
Une mouche survient, et des chevaux s'approche,

Prétend les animer par son bourdonnement;
Pique l'un, pique l'autre, et pense à tout moment
Qu'elle fait aller la machine,
S'assied sur le timon, sur le nez du cocher.
Aussitôt que le char chemine,
Et qu'elle voit les gens marcher,
Elle s'en attribue uniquement la gloire,
Va, vient, fait l'empressée: il semble que ce soit
Un sergent de bataille allant en chaque endroit
Faire avancer ses gens et hâter la victoire.
La mouche, en ce commun besoin,
Se plaint qu'elle agit seule, et qu'elle a tout le soin;
Qu'aucun n'aide aux chevaux à se tirer d'affaire.
Le moine disait son bréviaire:
Il prenait bien son temps! une femme chantait:
C'était bien de chansons qu'alors il s'agissait!
Dame mouche s'en va chanter à leurs oreilles,
Et fait cent sottises pareilles.
Après bien du travail, le coche arrive au haut:
Respirons maintenant! dit la mouche aussitôt :
J'ai tant fait que nos gens sont enfin dans la plaine.
Çà, messieurs les chevaux, payez-moi de ma peine.

Ainsi certaines gens, faisant les empressés,
S'introduisent dans les affaires :
Ils font partout les nécessaires,
Et, partout importuns, devraient être chassés.

—

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ, какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ:
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится;
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперегъ шныряетъ межъ людей;
Ну словно откупщикъ на ярмаркѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, никто
Никакъ помочь не хочетъ.

Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку
нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ
на ужинъ:
И муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ-тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, по-
немногу,
Встащилися на ровную дорогу.
«Ну,» муха говоритъ: «теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ
путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носятъ.»

—

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не про-
сятъ.

Я никому не мѣшаю писать критики съ высшими и всевозможными взглядами. По долгу взаимной справедливости, пусть не мѣшаютъ и мнѣ писать басни, если этотъ родъ мнѣ нравится съ молодыхъ лѣтъ моихъ. Графъ

Хвостовъ, въ одной изъ своихъ басенъ написалъ:

«Овецъ тазать охочи волки.
Россійскій Лафонтенъ (т. е. Крыловъ) объ нихъ худые толки
Пустилъ и пріобрѣлъ вѣнецъ,
Французскому Фонтену подражая;
Фонтену Федръ былъ образецъ;
Эзопъ имъ всѣмъ отецъ.»

Не большое, кажется, самолюбіе писателя причислить себя къ потомкамъ такого неблагообразнаго предка, каковъ былъ Эзопъ. Но нѣтъ! я вижу, что вы неумолимы, господа *нѣкоторые* критики! *Тазайте* мои басни, сколько вамъ будетъ угодно.

Графъ Хвостовъ забылъ еще превосходныхъ баснописцевъ нашихъ, Хемницера и Дмитріева, и не сказалъ ни слова объ оригинальномъ, замѣчательномъ Измайловѣ.

Извините, Михаилъ Николаевичъ! Начавъ письмо къ вамъ, перо мое сбилось, по привычкѣ, на журнальную статью. Мнѣ представилось, что я пишу что-нибудь для Сына Отечества. Очень буду радъ, если басни мои вамъ понравятся. Я старался въ нихъ не подражать никому, даже Эзопу, отцу

всѣхъ баснописцевъ. Всѣ мои басни,—худы ли, хороши ли онѣ,—оригинальныя, исключая пяти слѣдующихъ: 1) *Два колоса;* 2) *Овца и терновникъ;* 3) *Оселъ и репейникъ;* 4) *Медвѣдь, мартышка и свинья*, и 5) *По случаю*. Предметы первыхъ двухъ басенъ заимствованы изъ безъименнаго латинскаго писателя; предметъ третьей — изъ стариннаго, нѣмецкаго писателя, котораго имени я также не знаю; предметы четвертой и пятой—изъ испанскаго писателя Иріарте. Прочитайте терпѣливо мои басни, Михаилъ Николаевичъ, и вѣрьте, что если бы ихъ достоинство равнялось тому чувству уваженія, которое я питаю къ вашему таланту; то басни мои были бы превосходны.

К. Масальскій.

КНИГА ПЕРВАЯ.

БАСНИ.

I.

ДВА МУДРЕЦА.

Философъ Гераклитъ, наплакавшись досыта,
Сидѣлъ подъ деревомъ и, видя Демокрита,
Который шелъ и хохоталъ,
— О боги, боги! — закричалъ:
— Куда ни обернешься,
Вездѣ со слабостью иль глупостью столкнешься.
Ну можно-ль, не лишась разсудка, хохотать
По пустякамъ, какъ тотъ прохожій? —
А Демокритъ, межъ-тѣмъ, такъ началъ разсуждать:
«Всѣ люди на ребятъ похожи!
Вонъ, напримѣръ, старикъ: такой плачевной рожи
Я съ роду не видалъ. О чемъ же плачетъ онъ?

Имѣнье потерялъ, иль не въ-попадъ влюбленъ,
Иль огорченъ другимъ подобнымъ вздоромъ,
А еслибъ философскимъ взоромъ
На міръ онъ посмотрѣлъ,
То вѣрно бы, какъ я, смѣяться захотѣлъ.»
Потомъ другъ на друга, не говоря ни слова,
Глядѣли мудрецы. Одинъ изъ нихъ рыдалъ,
Другой же хохоталъ,
И каждый сожалѣлъ о глупости другаго.

II.

САВВА И ЕГО ТЕТКА.

Даютъ дураку холстъ, а онъ говоритъ: толстъ.

Русская пословица.

Въ приволжской, пребольшой деревнѣ
Недавно парень Савва жилъ,
И тамъ служилъ
Подносчикомъ въ харчевнѣ.
Красивъ, румянъ, плечистъ,—изрядный ростъ;
Но ужъ за то умомъ былъ Савва очень простъ.
Въ день имянинъ его приходитъ Домна, тетка,
Красавица—ну что твоя лебедка!
И сверхъ того она
Была не то, чтобъ дура, а умна.

«Племянникъ! я пришла къ тебѣ на имянины
И принесла съ собой аршиновъ семь холстины.
Ты изъ нея, что хочешь, сшей.»
— Ахъ тетушка! Спасибо! Ну, ей-ей,
Нѣтъ ни одной порядочной рубахи,
А за это одно меня обходятъ свахи.
Спасибо, тетушка! А гдѣ же, гдѣ же холстъ? —
« Вотъ онъ, бери! Онъ проченъ, бѣлъ, не толстъ.
На все онъ можетъ пригодиться,
И можешь молодцомъ на праздникъ нарядиться.»
—Позволь взглянуть! Ну нѣтъ! Онъ толстоватъ!—
«А ты, племянникъ, простоватъ
И даже глупъ! За то не дамъ тебѣ холстины!
Отпразднуй безъ холста свои ты имянины.»
И тетушка ушла домой съ холстомъ.
Не знаемъ, что сказалъ нашъ Саввушка потомъ.

—

Хоть даромъ намъ добро не предлагаютъ часто;
Однакожъ Саввушекъ найдемъ мы двадцать на сто.

———

III.

ОРЛЯНКА.

—

Отстряпавъ барскій столъ,
Надѣлъ Ѳома китайчатый камзолъ,
Колпакъ и праздничный передникъ,
И вышелъ къ воротамъ, гдѣ другъ и собесѣдникъ,
Антипъ, давно его, на лавкѣ сидя, ждалъ,
Потягивался и зѣвалъ;
(Не диво: до свѣту ужъ вымелъ онъ Фонтанку).
— Чѣмъ руки-то сложа сидѣть,—Ѳома сказалъ:
— Давай въ орлянку! —
«Давай.» И началась игра.
Антипу повезло. Ѳомѣ же нѣтъ талана!
Всю мелочь вышарилъ, несчастный, изъ кармана,

И дѣло ужъ дошло до серебра,
А пользы нѣтъ: Антипъ конаетъ безъ пощады.
Ѳому кидаетъ въ потъ съ досады.
—Позволь, Антипушка, швырнуть цѣлковымъ
вдругъ! —
«Изволь, любезный другъ!»
Швырнулъ Ѳома. И что жъ? Не взвидѣлъ, бѣдный,
свѣта!
И крупная его, послѣдняя монета
Въ Антиповой мошнѣ!... Бѣжитъ на ту бѣду,
Изъ-подъ воротъ, съ кастрюлей, поваренокъ.
— Куда ты, дьяволенокъ? —
«Я въ лавочку иду.»
— Вѣдь выдумалъ, небось, какъ разъ, мошенникъ,
сказку! —
И далъ Ѳома мальчишкѣ таску.

—

Съ Ѳомою схожи мы бываемъ иногда.
Отъ собственной вины придетъ на насъ бѣда;
А за нее тому безвинно достается,
Кто первый намъ въ глаза по силамъ попадется.

IV.

КУПЕЦЪ И ХУДОЖНИКЪ.

—

Предъ Рождествомъ зашелъ скульпторъ
Въ одну игрушечную лавку,
Чтобъ о сюрпризахъ сдѣлать справку,
И вотъ какой съ купцомъ имѣлъ онъ разговоръ:
— Послушай-ка, любезный!
Я дамъ тебѣ совѣтъ весьма полезный.
Вотъ кукла, напримѣръ! Она и хороша,
Купи ее, — моя бы дочка прыгать стала,
Но я тебѣ не дамъ за куклу ни гроша,
Художества въ ней нѣтъ и перваго начала,
Одно забвеніе всѣхъ прелестей рѣзца.
Въ рукахъ, плечахъ, ногахъ, — во всемъ несоразмѣр-
ность!

А въ выраженіи лица
Какая грубая невѣрность! —
Такая рѣчь обидѣла купца.
Онъ горячо за куклу заступился
И съ критикомъ почти-что побранился,
Такъ возразивъ ему:
«Помилуйте-съ! Лѣтъ двадцать я торгую,
И въ первый слышу разъ рѣчь странную такую.
Извѣстно мнѣ и самому,
Что куклу счесть нельзя за важную статую;
Вѣдь куклы тѣшатъ лишь дѣтей,
Статуи жъ дѣлаютъ для взрослыхъ ужъ людей.
Зато онѣ и куколъ подороже.»
— Да это, братецъ, все одно и тоже!
Тутъ дѣло не въ цѣнѣ!
Талантъ, художество—вотъ что давай ты мнѣ!
Возьми ты, для примѣру,
Хоть Медицейскую Венеру...—
«Помилуйте-съ! Отъ этакихъ затѣй
Безъ куколъ мы оставимъ всѣхъ дѣтей,
Отъ медицинской же Венеры
Безъ пользы раззорюсь. Нѣтъ-съ, это все химеры!»

—

Кто правъ: купецъ или скульпторъ?
Хоть неумѣстенъ былъ художника разборъ,
Однакожъ оба они правы:
Одинъ совѣтуетъ трудиться лишь для славы,
Другаго жъ цѣль: невинныя забавы,
Да честные при этомъ барыши.
Такъ обѣ, стало быть, ихъ цѣли хороши.

V.

ОСЕЛЪ НА ПИРУ.

—

Слонъ праздновалъ свой день рожденья:
Ему минуло лишь сто лѣтъ.
Пріятны въ юности утѣхи, наслажденья!
Нашъ слонъ назвалъ гостей и задалъ имъ обѣдъ.
Къ столу приглашены олень и волъ рогатый,
Лисица, волкъ, медвѣдь косматый,
Баранъ и леопардъ, гіена и козелъ,
И тьма другихъ гостей. Пришелъ на пиръ оселъ,
На креслахъ важно развалился,
И разсуждать о томъ, о сёмъ пустился;
Съ такою смѣлостью и важностью болталъ,
Что даже умный слонъ прислушиваться сталъ.

«Мнѣ очень странны ваши мнѣнья!»
Сказалъ ослу какой-то изъ гостей:
«Не понимаемъ васъ! Вы вѣрно всѣхъ умнѣй?»
—Конечно! отвѣчалъ оселъ: — Въ томъ нѣтъ со
мнѣнья.

—

Самоувѣренность и рѣдкій умъ осла
Мы видимъ каждый день вездѣ и безъ числа.

———

VI.

АТЛАНТИДСКІЙ ВѢТЕРЪ.

—

Гдѣ въ наши времена
Синѣетъ Океанъ, тамъ древле простиралась
Обширная страна,
И Атлантидою у Грековъ называлась.
Преданья темныя дошли до насъ, что тамъ,
По временамъ,
Какой-то вѣтеръ дулъ чудесный,
Который, силой неизвѣстной,
Въ минуту всякаго въ сорóку превращалъ,
Кто слишкомъ о своихъ достоинствахъ мечталъ.
Разъ, въ продолженіе блестящаго гулянья,
Вдругъ страшный вѣтеръ тотъ откуда ни возьмись,—

Чтожъ? Тысячи сорокъ на воздухъ поднялись
Изъ многолюднаго собранья.
Ну если бы, не въ добрый часъ,
Такому вѣтру дуть случилося у-насъ:
Тогда бы, (можно въ томъ ручаться,)
Всѣмъ, грѣшнымъ, намъ пришлось на воздухъ под
нимається.

VII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗАЯЦЪ.

Назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

Русская пословица.

—

Однажды, по лѣсу, шелъ староста Кондратъ,
И кузовъ на спинѣ тащилъ онъ преогромный.
— Вѣдь завтра день-то не скоромный, —
Крестьянинъ размышлялъ.—Несказанно я радъ,
Что кузовъ мой грибами полонъ.
Вотъ, завтра, на обѣдъ, ко мнѣ прикатитъ братъ;
А у меня пирогъ! Лишь не былъ бы онъ солонъ!
Да за хозяйкою я присмотрю и самъ,
А выйдетъ худъ пирогъ, такъ грѣхъ-то по-поламъ.

На встрѣчу пырь въ глаза Кондрату жирный заяцъ!
Бѣгунъ, отъ ужаса, прищурилъ, какъ Китаецъ,
Свои глаза, и вдругъ на лапки сталъ.
— Ахъ ты косой! Кондратъ вскричалъ.
— Ты оборотень что-ль? Скорѣе признавайся,
Нето такъ съ жизнью разставайся!
Ну, говори жъ скорѣе: ктò ты?—«Груздь!»
Такъ заяцъ отвѣчалъ въ смущеніи.—Ну, пусть!
Назвался ты груздемъ, такъ въ кузовъ, мой любез-
ный!
Ты мнѣ, какъ вижу я, грибокъ-то преполезный,
И такъ-какъ я извѣстный хлѣбосолъ,
То послѣ пирога тебя подамъ на столъ.

—

Кто предъ людьми чужую роль играетъ,
Тотъ скоро въ кузовъ попадаетъ.

VIII.

ВАРЕНЫЙ ЧАЙ.

—

Сомнителенъ еще въ дѣлахъ успѣхъ,
Когда и средства всѣ имѣемъ.
Бываетъ, что за нихъ приняться не умѣемъ,
И оттого выходитъ грѣхъ.

—

Крестьянка мужу говорила:
«Пафнутьичъ, не забудь ты въ городѣ купить
Чайку да сахару. Кой-что ужъ я сварила,
Но надобно жъ родню и чаемъ угостить;
Вѣдь ты, свѣтъ, завтра имянинникъ.»
— Что много говорить! —
Сказалъ ей мужъ.—Давай полтинникъ! —

Пошелъ, и сахару и чаю онъ досталъ,
И на руки хозяйкѣ сдалъ.
Она же весь запасъ въ горшокъ съ водой вложила,
Немного луку покрошила,
И въ печь задвинула, примолвивъ: «Пусть кипитъ!»
Ужъ гости собрались, чай поданъ и разлитъ,
Да жаль: охотниковъ до чаю не нашлося,
И все собраніе безъ чаю разошлося.

IX.

ДРУЗЬЯ.

—

Осеннимъ вечеромъ, въ саду,
Два мальчика рѣзвились.
«Какъ весело, что мы съ тобою подружились!»
Митюша говоритъ. «Чуръ быть всегда въ ладу:
Не надо, Ѳединька, ни ссориться, ни драться,
Всѣ станутъ нами любоваться
И гладить по головкѣ насъ.»
—Я ссоры не начну; лишь ты не озарничай.—
Такъ Ѳедя отвѣчалъ.—Мой не таковъ обычай;
Не то, что твой! Не бось, въ прошедшій классъ
Ты сладкихъ пироговъ мнѣ не далъ!
Ужъ я просилъ, просилъ,

А ты съ насмѣшкой говорилъ,
Что вредно много ѣсть, что я уже обѣдалъ.
Смотри, чтобъ съ другомъ такъ впередъ не поступать!
Я больше не сержусь; давай опять играть.—
Краснѣлъ отъ укоризнъ Митюша.
Друзья, въ знакъ мира, обнялись,
И снова игры начались.
Вдругъ на глаза попалась Өедѣ груша.
Онъ мигомъ подхватилъ находку—и въ карманъ.
И другу говоритъ: «Я сбѣгаю въ минутку
Домой. Возьму тамъ дудку
И барабанъ,
А ты, пока хожу, построй изъ стульевъ будку.»
Не такъ-то былъ Митюша простъ
И грушу подсмотрѣлъ, хотя и слылъ зѣвакой.
«Да не ходи за мной! Ну что присталъ, какъ хвостъ!»
Такъ Өедя закричалъ. Рѣшили дѣло дракой.

—

И малый, и большой на дружбу вмигъ готовъ,
Покуда не дошло до грушъ и пироговъ.

———

X.

ПЛОТНИКЪ И ЕГО ПРІЯТЕЛЬ.

Тонутъ—такъ топоръ сулятъ, а вытащатъ,—и топорища жаль.

Русская пословица.

—

Путемъ-дорогой шелъ крестьянинъ Агаѳонъ;
Онъ ремесломъ былъ плотникъ.
Его землякъ и другъ, Артемій, сельскій скотникъ,
Съ нимъ рядомъ брелъ. Тѣмъ былъ извѣстенъ онъ,
Что міромъ рѣшено: «Артемію награда,
За то, что въ двадцать лѣтъ изъ стада,
Которое онъ пасъ,

Пропажи не было.» Коровъ онъ бездну спасъ
И отъ волковъ, и отъ медвѣдей.
Честимъ Артемій былъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей,
И отъ всего села.
Награда, между тѣмъ, отложена была
Впредь до рѣшенія и разсужденья міра.
(Не думайте, что тутъ сатира
На непризнательность. О, нѣтъ!
Въ деревнѣ и вездѣ одинъ и тотъ же свѣтъ.)
Ну вотъ, идутъ-себѣ нашъ плотникъ
И другъ его, Артемій, скотникъ,
И очутилися на берегу рѣки.
«Послушай, Агаѳонъ! Ты по льду не пускайся!
Провалишься грѣхомъ!» — Какіе пустяки!
Ну, ты на берегу, Артемій, оставайся,
А я черезъ рѣку увидишь какъ пройду! —
Пошелъ нашъ Агаѳонъ, да и попалъ въ бѣду.
На самой глубинѣ сквозь ледъ онъ провалился,
И, по-поясъ въ водѣ, пріятелю взмолился:
«Артемій, милый другъ, Артемушка! Спаси!
Топоръ тебѣ отдамъ! Вѣдь тульскій! Просто-чудо!»
Великодушіе не рѣдкость на Руси.
—Ну братецъ! проворчалъ Артемій: дѣло худо! —
Да и скакнулъ на ледъ, за шиворотъ схватилъ,

И друга своего на берегъ притащилъ.
«Охъ! исполать тебѣ, Артемушка почтенный!
«За долгъ сочту я непремѣнный
«Тебя въ послѣдствіи преважно подарить!»
—Да что объ этомъ намъ такъ много говорить!
Артемій отвѣчалъ.—Давай топоръ ты мнѣ-то,
Который обѣщалъ. «Пріятель! какъ же это?
Ну какъ же я топоръ тебѣ отдамъ?
Безъ топора я пропаду и самъ.»
—Ну, за услугу дай ты мнѣ хоть топорище.—
«Да что ты выдумалъ за вздоръ,
Почтенный мой дружище!
Безъ топорища что топоръ!»

—

Не даромъ наши предки
Въ пословицѣ своей
Сказали про людей,
Что благодарные межъ ними очень рѣдки.

———

XI.

ДВА ѢЗДОКА.

—

Въ какомъ-то городѣ отличный жилъ ѣздокъ;
Всѣ жители его искусству удивлялись,
И всѣ его конемъ прекраснымъ любовались.
«Постой, любезнѣйшій! Дай срокъ!»
Сказалъ сосѣдъ Антонъ, который жилъ съ нимъ рядомъ
И втайнѣ завистью ужъ мучился давно.
«Не хвастай ты конемъ, искусствомъ и нарядомъ,
Я спеси пособью съ тебя! Вотъ что оно!
Проѣду я и самъ, да такъ, что всѣ лишь ахнутъ,
А ѣздоки отъ зависти зачахнутъ.»
Антонъ имѣлъ осла,

Который отроду не нашивалъ сѣдла.
Онъ осѣдлалъ его, и самъ принарядился,
И, подбоченившись, съ двора рысцой пустился;
Но вотъ, оселъ пошелъ ужъ и въ галопъ,
Нагнувъ къ землѣ свой лобъ,
Потомъ онъ замоталъ нелѣпо головою,
Хвостъ поднялъ и лягнулъ ногою,
А вслѣдъ за тѣмъ двумя взмахнулъ.
«Держите, батюшки, держите! Караулъ!»
Кричитъ Антонъ. «Совсѣмъ взбѣсилася скотина!»
Тѣмъ кончилась ѣзда, что въ грязь слетѣлъ дѣтина.

—

Коня не замѣнить осломъ,
Какъ завистью и хвастовствомъ
Не замѣнить познанья,
Ума и дарованья.
Всѣ согласятся въ томъ. Что жъ видимъ мы въ дѣлахъ?
Вездѣ встрѣчаешь тьму Антоновъ на ослахъ!

XII.

РОСТОВЩИКЪ И ЧОРТЪ.

—

Какой-то грѣшникъ деньги кралъ,
И взятки непомѣрно бралъ;
Заемщики ему платили роста
Лишь по сту, а не больше, со ста.
Чтобъ обсчитать кого нибудь и обмануть,
Онъ былъ готовъ разъ десять присягнуть.
Честь, совѣсть, стыдъ считалъ онъ старымъ вздоромъ,
Однакожъ называть его не смѣли воромъ,
Напротивъ, онъ лишь былъ *солидный* человѣкъ,
Постигшій и *прогрессъ* и *позитивный* вѣкъ.
Вѣдь не таскалъ онъ изъ чужихъ кармановъ

Ни табакерокъ, ни платковъ;
Придраться не къ чему. Вотъ былъ каковъ
Покойникъ Карпъ Ильичъ Капкановъ.
Одинъ лишь онъ знавалъ своимъ денжонкамъ счетъ.
Онъ не моталъ, былъ скупъ и велъ себя степенно;
Получитъ что-нибудь, и завтра жъ, непремѣнно,
На *неизвѣстнаго* кладетъ.
Изволь узнать, такимъ манеромъ,
Что онъ давно милліонеромъ.
Разъ Карпъ Ильичъ сидѣлъ одинъ,
Противъ камина, въ кабинетѣ,
Зѣвалъ и размышлялъ: все суета на свѣтѣ!
Вдругъ входитъ въ кабинетъ какой-то господинъ.
«Что вамъ угодно?
Не денегъ ли просить пришли взаймы?
Копѣйки нѣтъ теперь свободной!
Притомъ же незнакомы мы.»
— Ну полноте шутить съ старинными друзьями.—
«Ага! я вижу, что вы шутъ;
Я никогда знакомымъ не былъ съ вами,
Не знаю и того, какъ даже васъ зовутъ.»
— На *неизвѣстнаго* вы деньги ваши клали?
Не такъ ли?... *Неизвѣстный* — я!
И мы, какъ я сказалъ, старинные друзья.

Вѣдь вашъ весь капиталъ вы для меня накрали.—
«Какъ! Что?»—Да такъ! Вы благодѣтель мой!—
«Я васъ, сударь, велю прогнать съ двора метлой!
Да какъ вы смѣете?... Велю стащить васъ въ будку!»
—Вы, вижу, сердитесь не въ шутку,
А, право, не-зачто! Позвольте васъ обнять,
Поцѣловать и попенять,
Что забываете друзей, и къ нимъ суровы.
Прощайте!—«Нѣтъ! я не пущу васъ! Кто вы?
Извольте вашу мнѣ фамилію сказать!»
—Съ охотою готовъ васъ этимъ обязать;
Я... чортъ!... За тѣмъ, мое почтенье!—
Капкановъ, струсивъ, впалъ въ большое изумленье,
А чортъ разшаркался, разкланялся, и въ дверь.
Тутъ Карпъ Ильичъ на креслахъ потянулся,
И вдругъ проснулся.
«Какой преглупый сонъ!» сказалъ: «Вотъ, снамъ-
то вѣрь!»

XIII.

ЗВОНАРЬ.

Не посмотря въ святцы, бухъ въ колоколъ.

Русская пословица.

—

Жилъ въ-старину звонарь Потапъ,
Звонарь старательный, отличный
И къ дѣлу своему съ ребячества привычный,
Но въ чтеньи грамоты былъ какъ-то очень слабъ,
Да слишкомъ скоръ на все. Однажды, день рабочій
Днемъ праздничнымъ вообразилъ звонарь,
Да въ колоколъ и пріударь!
Трезвонитъ что есть мочи!
Крестьяне всѣ съ полей пустилися бѣгомъ,

Кто съ топоромъ,
А кто съ ведромъ,
Перепугавшися набата.
За ними бросились всѣ бабы и ребята.
«Ахти! не хорошо! Село-то, знать, горитъ!»
Такъ міру староста бѣгущій говоритъ.
Вотъ, прибѣжалъ весь міръ; глядятъ: огня не видно,
Нигдѣ и дыму даже нѣтъ.
«Что жъ это ты, мой свѣтъ,
Потапъ Лукичъ? Ну какъ не стыдно!»
Такъ учалъ староста позорить звонаря.
«Что въ буддень за трезвонъ?»—Эхъ! оплошалъ я,
братцы!
Не посмотря
Во святцы,
Да въ колоколъ и бухъ!
И въ томъ я каюся предъ цѣлымъ міромъ въ-
слухъ. —
«Ну, коли каешься:» міръ молвилъ: «дѣло въ шляпѣ.»

—

Безъ справокъ не трезвонь и вспомни о Потапѣ.

———

XIV.

ДВА КОЛОСА.

—

На нивѣ колосокъ, спесиво
Поднявъ головку выше всѣхъ,
Сосѣда своего хотѣлъ поднять на смѣхъ,
И говорилъ: «Сосѣдъ, скажи мнѣ, что за диво:
Зачѣмъ согнулся ты? Въ сравненіи со мной
Ты ниже въ половину.»
— Легко понять тому причину! —
Сказалъ другой:
— Чѣмъ меньше зеренъ въ насъ, чѣмъ голова пу-
стѣе,
Тѣмъ поднимаемся мы выше и гордѣе. —

———

XV.

ОВЦА И ТЕРНОВНИКЪ.

—

Восходятъ, по лазури
Небесъ, густыя облака.
Поднялся вихрь, предвѣстникъ бури,
Покрывшись пѣною, волнуется рѣка;
Высокими столбами
Взвилася пыль съ земли,
И глухо громъ гремитъ вдали;
Несется гулъ между горами.
Тѣмъ временемъ стада паслися на лугу.
Случилося овцѣ отъ стада отдалиться;
Куда отъ непогоды скрыться?
— Коль хочешь, я тебѣ, пожалуй, помогу,

И отъ дождя уберегу. —
Сказалъ терновникъ ей:—Сокройся подъ густыми
Ты вѣтвями моими. —
Послушалась овца,
И, скрывшись въ кустъ, ждала грозы конца.
Шумѣлъ изъ тучи дождь рѣкою,
И громъ гремѣлъ, но снова разсвѣло,
И солнце изъ-за тучъ взошло.
Овечка, съ шерстію хоть не совсѣмъ сухою,
Въ дорогу собралась и кустъ благодаритъ.,
— И полно! не за что!—терновникъ говоритъ.
— Другому услужить всегда я радъ душою!
Гроза прошла, теперь ты можешь въ путь идти. —
Сказавъ терновнику прости,
Бѣдняжка изъ него до ночи выдиралась:
Сухая шерсть ея почти-что вся осталась
Въ услужливомъ кустѣ!...

—

Примѣры видимъ тѣ
Не только межъ кустами,
Но очень часто и межъ нами.

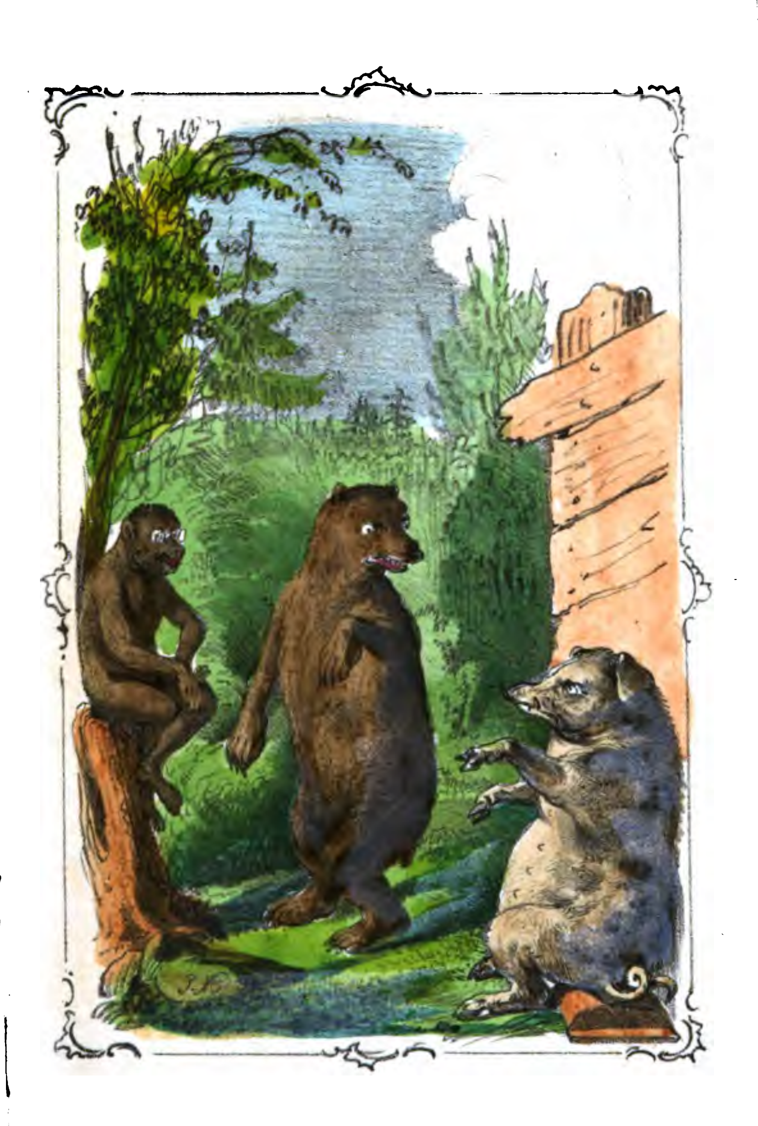
XVI.

МЕДВѢДЬ, МАРТЫШКА И СВИНЬЯ.

—

Однажды съ просьбою медвѣдь присталъ къ мартышкѣ:
«Любезная кума! не откажи ты мишкѣ.
По сущей истинѣ нельзя ли мнѣ сказать:
Гораздъ ли я плясать?»
—Изволь, посмотримъ мы!—та отвѣчала, сѣла
И съ важностью очки надѣла.
Медвѣдь же ну плясать! «Ну что, кума, каковъ
Я въ пляскѣ? Ась?» — Скажу безъ дальнихъ словъ:
Я не люблю терать слова-то!

Ты пляшешь очень плоховато. —
«Неужто, заворчалъ плясунъ на то: иль нѣтъ?
Навѣрно шутишь ты, мой свѣтъ.
Я въ пляскѣ, кажется, довольно ловокъ, плавенъ...
Неужто я
И вправъ тебѣ не нравенъ?»
Случись вблизи отъ нихъ свинья.
— Ну, господинъ медвѣдь, прекрасно! —
Захрюкала она: — Я безпристрастно
Сказать должна,
Что лучше плясуна
Я съ роду не видала,
И не видать мнѣ никогда! —
Нахмурясь, проворчалъ медвѣдь на то: «Когда
Меня мартышка охуждала,
Я сомнѣваться-было сталъ.
Теперь увѣрился, что плохо я плясалъ!
Кума мнѣ правду говорила;
Какой ужъ я плясунъ: свинья меня хвалила!»

XVII.

ОСЕЛЪ И РЕПЕЙНИКЪ.

По берегу рѣки однажды брелъ
Оселъ.
Увидѣвъ за рѣкой репейникъ,
Затѣйникъ
Сталъ голову свою премудрую ломать:
Какъ бы траву ему для завтрака достать,
Да такъ, чтобы не плыть, чтобъ не искать и броду.
Не очень, вишь, любилъ холодную онъ воду.
Что жъ дѣлать тутъ?. Иной въ тупикъ бы сталъ;
Но нашъ оселъ хитеръ, не долго бился,
И мигомъ средство отъискалъ;
На берегу онъ развалился,

И такъ смѣкалъ:
«Сомнѣнья нѣтъ, что вскорѣ
Рѣка стечетъ до капли въ море,
По сушѣ и пойду я къ завтраку тогда.»
Прекрасно вздумано, да только то бѣда,
Что и теперь еще течетъ въ рѣкѣ вода.

—

Не часто-ль мы (хотя и рѣдко замѣчаемъ)
Подъ пару мудрецу ушастому бываемъ,
Тогда, какъ лежа ждемъ, чтобъ время прошло,
И то, чего хотимъ, намъ безъ труда пришло.

———

XVIII.

САПОЖНИКЪ И САПОЖНИЦА.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Русская пословица.

—

Жила-была сапожница, вдова,
По имени Орина,
Въ селѣ, гдѣ было душъ всего десятка съ два,
И вотъ какая съ ней случилася причина.
Пріѣхалъ въ то село сапожникъ Харитонъ,
Тамъ, съ дозволенія начальства, поселился,
И началъ отбивать барышъ у бабы онъ;
Не удалось: такъ онъ на хитрости пустился.

Пришелъ къ Оринѣ онъ тишкомъ,
Подъ вечерокъ, съ мѣшкомъ.
Ей поклонился очень низко
И, къ ней подсѣвши очень близко,
Такъ началъ говорить: «Съ тобой, Орина, мы,
Сапожнымъ ремесломъ живемъ на бѣломъ свѣтѣ,
И оба далеки отъ нищенской сумы.
Ты у меня давно ужъ на примѣтѣ.
Чѣмъ другъ у дружки намъ доходъ перебивать,
Выйдь за-мужъ за меня! Барышъ нашъ будетъ вдвое,
И ты, и я, останемся въ покоѣ
И въ полномъ счастіи.»—Вотъ-па! Какая стать
Мнѣ замужъ за тебя! Вишь, вздумалъ съ чѣмъ придраться!
Вдовой, вдовой хочу остаться!
Вишь, по-поламъ дѣли съ нимъ барыши!
Нѣтъ, батюшка, ты этакъ не грѣши!
Многонько я въ сей жизни натерпѣлась:
Не проведешь меня,
И попадешь ты въ пламя изъ огня! —
«Да что ты, матушка, за что такъ взъѣлась?
Аль бѣлены объѣлась?
Голубушка моя, ты не дури
И дѣло говори.

За что со мной ты вздумала ругаться!»
—Вдовой, вдовой хочу остаться!
Ты барышей не смѣй дѣлить со мной!
Вѣдь я не кто иной:
Коль это вздумаешь, то сильно озадачу,
И дамъ тебѣ съ лихвой, (коль подерешься), сдачу,
Ступай, ступай сейчасъ домой!
Не-то тебя съ двора спроважу кочергой.—
«Оринушка! да перестань браниться!
За что озлилась ты? Готовъ я помириться,
Лишь ты меня уважь и, грѣшнаго, прости!»
—Нѣтъ, вижу я, въ тебѣ не будетъ ужъ пути.
Вишь, вздумалъ свататься, противная ты рожа;
Да посмотри ты самъ: на что она похожа!
Пошолъ, пошолъ ты вонъ, злодѣй,
И постыдись ты добрыхъ всѣхъ людей.—
«Оринушка! не въ могуту мнѣ спорить,
И тѣмъ тебя напрасно лишь задорить.
Иду, кормилица моя, сейчасъ иду,
Чтобъ не попасть мнѣ въ пущую бѣду.»
Тѣмъ споръ и кончился Орины съ Харитономъ.
Онъ вышелъ изъ избы съ прениэменнымъ поклономъ,
Потомъ сапожницу сквозь зубы онъ ругнулъ:

«Вишь, вѣдьма! Хорошо, что у тебя стянулъ
Твое сапожное-то шило.
Шей безъ него теперь ты сапоги!
Нѣтъ, съ Харитономъ ты тягаться не моги!
Одно лишь у тебя и было,
За новымъ же тебѣ, колдуньѣ, не пойдти:
До городу, чай, триста верстъ пути!
Нѣтъ, баба, ремесло твое теперь уплыло.»
Свистя, идетъ нашъ Харитонъ,
Какъ вдругъ погоню слышитъ онъ.
Бѣжитъ за нимъ, пыхтя, сапожница въ догонку.
Ахти, бѣда! Шмыгнулъ бы хоть въ сторонку.
Да некуда! Орина нагнала
И за-воротъ сапожника взяла.
—Отдай сейчасъ мнѣ шило, ты, разбойникъ!—
«Слышь, баба, я сшибу съ тебя повойникъ,
Коль не отстанешь ты. Нѣтъ шила у меня!
Вишь, дура, спрашиваетъ шила!»
Не взвидя бѣла дня,
Источнымъ голосомъ Орина взвыла.
А шило, какъ на грѣхъ, глядь, изъ мѣшка торчитъ.
— А это что, злодѣй! — сапожница кричитъ.—
Улика ясная! Ну что тутъ дѣлать было?
Смущенный Харитонъ Оринѣ отдалъ шило.

Она за то его хватила по щекѣ,
Примолвивъ:—Шила, плутъ, не утаишь въ мѣшкѣ!—

—

Какъ Харитоны дѣлъ безчестныхъ ни скрываютъ,
Но шиломъ изъ мѣшка обличены бываютъ
Почти всегда.
Не правда ль, господа?

XIX.

УГОЛЬЩИКЪ И ТРУБОЧИСТЪ.

—

Разъ угольщикъ путемъ-дорогой шелъ
И съ трубочистомъ вдругъ столкнулся.
«Ослѣпнулъ что ли ты, оселъ!»
Во гнѣвѣ угольщикъ вскричалъ и замахнулся;
А тотъ на эту брань отвѣтствовалъ метлой.
Сраженье жаркое межъ ними закипѣло;
Однакожъ нѣсколько прохожихъ подоспѣло,
Героевъ розняли и прекратили бой.
За что, спросили ихъ, вы подрались? Въ чемъ дѣло?
«Онъ замаралъ мнѣ сажей весь кафтанъ!»
—Неправда! Ты сперва толкнулъ меня, болванъ!
Смотри: я весь въ угляхъ!—Бранятся забіяки,

И дѣло бы дошло опять до драки,
Но кто-то имъ сказалъ: вы, чудаки, смѣшны!
О чемъ вы спорите? Вѣдь оба вы черны;
А всякъ изъ васъ навѣрно знаетъ,
Что черный чернаго никакъ не замараетъ.

—

Примолвить можно здѣсь, что спорщиковъ такихъ
Мы каждый день встрѣчаемъ:
Мы видимъ черноту другихъ,
А сами каковы, того не замѣчаемъ.

———

XX.

ВОЛЫНКА И ТРЕЩЕТКА.

—

«Ты знаешь ли, кума, кто въ свѣтѣ
Первѣйшій, лучшій инструментъ?»
— Да есть ихъ много на примѣтѣ. —
«Нѣтъ, ты скажи, кому дала бы ты патентъ
На званіе Орфея?»
— Ну, скрипка хороша, віолончель хорошъ,
Гитара, арфа... — «Ахинея!
Я инструменты всѣ не ставлю въ мѣдный грошъ:
Все дрянь! Куда имъ! Мнѣ лишь басомъ
Завыть погромче, трель кудрявѣе пустить,
Такъ что они! Всѣ смолкнутъ тѣмъ же часомъ.
Ужъ такъ и быть: возьмусь ихъ музыкѣ учить.

Да если бъ ты еще, кума, мнѣ подсобила,
То наша музыка весь свѣтъ бы удивила.
Никто бы противъ насъ не смѣлъ разинуть рта.
Ты не смотри, что я пуста;
А какъ сильна, какъ громогласна!
Я инструментамъ всѣмъ страшна и такъ опасна,
(Особенно, когда мой надуватель пьянъ),
Что даже предо мной пасуетъ барабанъ.
Ужъ онъ ли не горланъ!»
—Что жъ, кумушка, изволь, согласна!
Давай учить! Я также не спущу
Ни скрипкѣ, ни трубѣ, я всѣхъ перетрещу.—
«Такъ по рукамъ, не отлагая дѣла!»
Надулась тутъ волынка и запѣла,
Трещетка вторитъ ей: ну, вой и шумъ такой,
Что Боже упаси! Бѣги, махнувъ рукой!
«Мы въ музыкѣ хотимъ реформы радикальной!»
Волынка такъ оретъ съ трещеткою нахальной.
Но чѣмъ же кончилась учителей игра?
А тѣмъ, что ихъ метлой прогнали со двора.

XXI.

СТРАСТНЫЙ ОХОТНИКЪ.

За двумя зайцами погонишься: ни одного не поймаешь.

Русская пословица.

—

Былъ-жилъ въ губерніи — въ которой? — неизвѣ-
стно,—
Илья Ильичъ. Свой вѣкъ онъ прожилъ честно,
И, разъ принявшися за гужъ,
Не говорилъ, что онъ не дюжъ;
До старости потеръ на службѣ лямку,
И вставилъ жизнь въ прекраснѣйшую рамку.
Картина — хоть куда!
Смотри, кто хочетъ! Не бѣда!

Илья Ильичъ имѣлъ одну страстишку:
Убить въ лѣсу винтовкой мишку,
Да въ полѣ зайца затравить.
Ну что же дѣлать? Какъ же быть?
Не все жъ серьозная работа!
Намъ въ отдыхъ иногда и трудная охота.
Извѣстный въ древности Нимвродъ,
Охоту ввелъ изъ рода въ родъ.
Но это въ сторону! Илья Ильичъ однажды,
Когда шелъ утромъ дождикъ дважды,
Велѣлъ своимъ псарямъ въ рога трубить,
Чтобъ въ полѣ зайца затравить.
Вскочилъ онъ на коня—и въ поле!
(Ну словно въ крайности какой и по неволѣ).
За нимъ несутся всѣ псари.
Остановились на полянѣ,
Которая была въ туманѣ.
Пустили гончихъ въ лѣсъ. «Ребята! Эй, смотри!
Лишь выбѣжитъ косой: вы всѣхъ борзыхъ спускайте,
И отъ меня не отставайте!
Я самъ на-диво поскачу,
И ѣздить васъ верхомъ понаучу!»
Лишь это молвилъ онъ — изъ лѣса два косые!
За ними гончія летятъ! Межъ тѣмъ борзыя

У доѣзжачихъ своры рвутъ.
Косыхъ-то два! Что жъ дѣлать тутъ?
Илья Ильичъ кричитъ: «За мной, мой доѣзжачій!»
(А тотъ былъ не ѣздокъ, но давнихъ лѣтъ подъячій,
Отъ юности недвижный и сидячій).
«За мной! Спускай борзыхъ!» кричитъ Илья Ильичъ:
«Неужто мы съ тобой упустимъ дичь!
«Скачи смѣлѣй, скачи смѣлѣе!»
Несутся, словно изъ огня.
«Не отставай ты отъ меня!»
Кричитъ Илья Ильичъ: «Держи лѣвѣе!
«Нѣтъ, нѣтъ! Не такъ! Держи правѣе!
«Уйдутъ косые-то, уйдутъ!»
Шмыгнули зайцы въ лѣсъ, и кончилось все тутъ.
За парой зайцевъ онъ погнался,
Съ одной досадой лишь остался,
Вдобавокъ съ лошади слетѣлъ,
И ровно пять недѣль онъ дома просидѣлъ;
Но ужъ теперь опять онъ въ поле выѣзжаетъ.

—

И вообще, всегда бываетъ,
Во всѣхъ дѣлахъ, на свѣтѣ такъ:
Двѣ цѣли: гонишься! А вышелъ лишь пустякъ!

———

XXII.

ТОЛСТЯКЪ.

Въ селѣ крестьянинъ жилъ Семенъ;
Не то, чтобъ онъ былъ глупъ, не то, чтобъ и
уменъ,
А такъ-себѣ! Но все желалъ онъ отличиться
И уваженія всего села добиться;
А какъ достичь того, Семенъ не зналъ.
Задумалъ думу онъ и вдругъ на мысль попалъ,
Что толщина и дюжее дородство
Даютъ почетъ, надъ всѣми превосходство.
Рѣшился нашъ Семенъ толстѣть,
Сталъ непомѣрно ѣсть, тянуть ковшами пиво,

Щи кислыя и квасъ, за чаемъ сталъ потѣть,
И вскорѣ нашъ Семенъ такъ растолстѣлъ, что диво!
Пришелъ къ нему Антонъ сосѣдъ.
«Послушай?» говоритъ: «не наживи ты бѣдъ;
Кажись, ты потерялъ разсудокъ!
Ты всякой всячиной свой пичкаешь желудокъ!
Все, что попало, пьешь.
Вѣдь водяную такъ, любезный, наживешь
И ни за денежку ты этакъ пропадешь!
Взгляни-ка на себя; вѣдь отъ моей коровы
Немногимъ ты отсталъ по толщинѣ!»
— Вотъ это-то и любо мнѣ!—
Такъ возразилъ Семенъ. — Самъ видишь: мы здоровы.
Какъ въ праздникъ по селу идешь,
Снимаетъ шапки молодежъ,
Бѣгутъ за мной мальчишки, бабы,
И всѣ кричатъ: «Смотри! Идетъ Семенъ толстякъ!»
Здоровьемъ-то, сосѣдъ, какъ видишь, мы не слабы.
Дородство—главное! Все прочее пустякъ!
Стращать ты не моги Семена водяною!—
«Ахти, сосѣдъ! Не говори!
Пожалуй-ста, ты этакъ не дури,
Побереги себя! Что хвастать толщиною!

Не въ брюхѣ дѣло все, а главное-то—умъ!
Послушайся совѣта, кумъ!»
—Пошолъ ты вонъ! Да чортъ ли умъ-то видитъ!
Дородному дорогу всякъ даетъ,
Какъ онъ по улицѣ идетъ,
А умнаго и баба разобидитъ.
Я вижу ты несмѣтливъ, тупъ,
И очень глупъ!
Не смѣй впередъ учить ты своего сосѣда,
И убирайся вонъ! —
Тѣмъ кончилась крестьянъ бесѣда;
Затылокъ почесавъ, пошелъ домой Антонъ;
Совѣтовать впередъ Семену отказался,
Семенъ же, черезъ годъ, отъ водяной скончался.

—

Желалось очень намъ
Быль эту посвятить журналамъ-толстякамъ;
Да безпокоить ихъ не смѣемъ:
На то причины мы секретныя имѣемъ.

———

XXIII.

СЛѢПЕНЬ.

—

Въ пріятный, теплый, майскій день
Сидѣлъ, надувшися, въ кустарникѣ слѣпень.
Не то, чтобы онъ былъ несчастливъ или болѣнъ,
А просто, какъ всегда, всѣмъ свѣтомъ недоволенъ,
И думалъ лишь о томъ: кого бы укусить.
Случилась тутъ пчела и вздумала спросить:
«Зачѣмъ, почтенный, такъ надулся?
Пристало-ли скучать по пустякамъ весной?
Вѣдь ты еще слѣпень, какъ вижу, молодой.»
Слѣпень сердито оглянулся
И отвѣчалъ: — Молчи!
Умнѣй и опытнѣй себя ты не учи.

Ты не поймешь моей тоски и скуки,
Постигнулъ я вполнѣ и жизнь и свѣтъ,
До дна исчерпалъ всѣ науки,
И вижу, что добра и счастья въ мірѣ нѣтъ! —
«Какъ такъ?»—Да такъ! Не спорь со мною!
Отстань съ твоею пошлою весною,
И не мѣшай мнѣ мыслить и страдать! —
«Но чѣмъ страдаешь ты? Вотъ мнѣ не отгадать!»
— Тебѣ ль понять мои страданья!
Взгляни на міръ: что въ немъ? Все дрянь и пустяки!
Въ немъ геніи не жди сочувствія, вниманья,
Одни лишь счастливы невѣжды, дураки,
Злодѣи, взяточники, плуты,
Которые въ чести и гордостью надуты!
Они-то геніевъ считаютъ за ничто! —
«Гдѣ жъ эти геніи и кто?»
—Да хоть бы я... конечно... я не геній,
Я не для нынѣшнихъ родился поколѣній;
Но если бъ и теперь послушались меня,
Узнали бы слѣпня!
Весь свѣтъ вверхъ дномъ бы я поставилъ,
И весь бы свѣтъ по-своему исправилъ,
Такую бъ общую реформу произвелъ,
Что всѣхъ скотовъ съ ума бы свелъ,

Всѣхъ насѣкомыхъ взбудоражилъ
И славу тѣмъ безсмертную бы нажилъ! —
«Ну, это мудрено!... Вотъ что пришло мнѣ въ умъ:
За трудъ полезный ты примись-ка, милый кумъ,
Учись хоть дѣлать медъ; ты былъ бы веселѣе,
Твоя бы, думаю, прошла сейчасъ тоска.»
—Работа эта мнѣ ужъ черезъ-чуръ низка!
Мнѣ дѣлать медъ! Да я умру скорѣе!
Что пчелы мнѣ, ихъ медъ и ихъ цвѣты!
Все пошлость, дрянь! - «Да что жъ умѣешь дѣлать ты?»
—Умѣю я жужжать.—«Еще?»—Еще кусаться. —
«И только?» – Да!—«Счастливо оставаться!
Прощай! Ты видно самъ, пріятель, не хорошъ,
Что цѣлый свѣтъ не цѣнишь въ грошъ;
Отъ пустоты ума и сердца ты скучаешь,
Да только, вздоръ жужжа, со злости всѣхъ кусаешь.»

—

Отъ жаркихъ, что ли, лѣтнихъ дней,
Вездѣ премножество слѣпней!

———

XXIV.

ПОРТНОЙ И РАБОТНИКИ.

—

Жилъ-былъ портной,
Который ножницы, иголку
Взять въ руки не умѣлъ, и никакого толку
Не зналъ въ шитьѣ; но малый мой,
При всемъ незнаніи своемъ, не потерялся,
На хитрости поднялся,
Работниковъ набравши кое-гдѣ,
Онъ объявилъ въ газетахъ и вездѣ,
Что мастеръ онъ ученый, заграничный,
И добросовѣстный, и вообще отличный.
Повѣрила толпа! Портной нашъ платья шьетъ,
Товаръ свой съ выгодой большою продаетъ,

Хотя и рядитъ онъ довѣрчивыхъ всѣхъ въ шуты.
Работники его безъ дѣла ни минуты!
Уродливый сошьютъ сюртукъ иль фракъ:
Портной божится всѣмъ, что это сшито такъ;
Что это, де, фасонъ новѣйшій, европейскій! —
И что же? Не одинъ простакъ,
Съ осанкой гордою—что твой пѣтухъ индѣйскій —
Нарядомъ щегольнуть спѣшитъ,
И умныхъ всѣхъ людей, какъ чучела, смѣшитъ.
Разбогатѣлъ портной нашъ въ два, три года,
Заважничалъ; но вдругъ пришла незгода!
Повздорилъ съ подмастерьемъ онъ,
А тотъ ему поклонъ,
Да вонъ!
За нимъ работники всѣ также поднялися
И разбрелися.
Тутъ, съ горя, шарлатанъ-портной
Усѣлся торговать лохмотьемъ на Сѣнной,
На хитрости опять подняться не добился,
Въ банкротство впалъ и разорился.

—

Мы этой баснею имѣли цѣль внушить:

Какъ худо быть портнымъ, когда не знаешь шить
А впрочемъ, и въ другихъ дѣлахъ, иные—
Такіе же, какъ нашъ, портные.

XXV.

СЫЧЪ.

—

Весеннимъ, яснымъ днемъ,
Въ тѣнистой рощѣ птицы пѣли.
«Ахъ, окаянныя! какъ, право, надоѣли
Своимъ пищаньемъ и враньемъ;
Охота же имъ пѣть безъ склада, безъ умѣнья!
Вѣдь знатоковъ, сій-ей, выводятъ изъ терпѣнья.
Не худо бъ имъ сперва художество постичь.»
Такъ говорилъ щегленку сычъ,
Надувшись и засѣвъ въ гнилое
И толстое дупло.
Сужденье рѣзкое такое
Щегленка-простака въ сомнѣніе ввело.

— Мнѣ кажется, ужъ слишкомъ строго
Вы судите, онъ возразилъ сычу:
Согласенъ, что пѣвцовъ отличныхъ здѣсь немного,
Однако жъ соловей... «И слушать не хочу!!
Сердито крикнулъ сычъ: со мною спорить смѣешь,
Когда ни вкуса ты, ни взгляда не имѣешь.
Тебя и съ соловьемъ сто разъ я поучу.
Толпа его, конечно, превозноситъ,
Но что толпа! Ты знатоковъ спроси.
Хоть ихъ у насъ не много на Руси,
Однако жъ есть. Ихъ голосъ произноситъ
Всѣмъ птицамъ вѣрный приговоръ.
Тебѣ ль, почтеннѣйшій, въ сужденія соваться!
Наука тутъ нужна, тутъ нуженъ высшій взоръ....
Да гдѣ тебѣ понять! И мнѣ ли унижаться
И затѣвать съ тобою споръ.»
— Позвольте, возразилъ съ запинкою щегленокъ:
Не думайте, что я ребенокъ,
Или невѣжда и глупецъ;
Поймемъ и васъ. Ну, кто жъ, по вашему, пѣвецъ?—
«Да галка, напримѣръ, сычъ отвѣчалъ: у галки
Первостепенный даръ и чувство для пѣнья;
И за нее отдамъ любаго соловья.
Вы удивляетесь? Вы, просто, милый, жалки;

Не вамъ понять меня.» — И впрямъ! о, мой творецъ!
Щегленокъ пропищалъ: ну, кто жъ еще пѣвецъ?—
«Еще?... Ну, воробей, сова, пѣтухъ индѣйскій.
Да! я готовъ сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ вслухъ,
Хоть и пріятель мнѣ пѣтухъ,
Что рѣдкій онъ пѣвецъ и геній европейскій!
Мы всѣ, въ моемъ дуплѣ, рѣшились вскорѣ хоръ
Составить съ общаго согласья;
Примѣръ и образецъ представимъ сладкогласья,
Докажемъ, что до насъ всѣ пѣли сущій вздоръ.»
Щегленокъ голову задумчиво повѣсилъ,
Почтительный поклонъ наставнику отвѣсилъ,
И полетѣлъ, твердя: «О, мой творецъ!»
— Что такъ нахохлился? спросилъ его скворецъ:
Что не поешь? «Куда мнѣ! я не смѣю.
Ужъ если соловей, по мнѣнью знатоковъ,
Все свищетъ ахинею,
То былъ бы я дуракъ изъ дураковъ,
Когда, во слѣдъ пѣвцамъ, и я бы потянулся.»
— Да ты, никакъ, совсѣмъ рехнулся.
Кто вздоръ такой тебѣ напѣлъ про соловья? —
«Въ гостяхъ, слышь, у сыча былъ я,
Такъ онъ, вишь, говоритъ...»—Ахъ ты, пустоголовый!

Повѣрилъ ты сычу!
Нѣтъ, милый! соловей ему не по плечу. —
«Не говори: онъ хоръ составитъ образцовый.»
— Кто?... Сычъ?...
Да что ты, братъ, несешь за дичь!
Слыхалъ ли ты, какъ самъ онъ пѣсни-то заводитъ?—
«Нѣтъ, никогда.»—А я такъ слышалъ какъ то въ ночь.
Ты знаешь ли, на что пѣнье его походитъ?—
«На что?»—Твой сычъ поетъ точь-въ-точь...
Какъ бы сказать... когда прищемятъ хвостъ котенку.
Бездѣльникъ такъ визжитъ, что истинно не въ мочь!—
Не придалъ смѣлости однако же щеглёнку
Совѣтъ скворца.
Онъ все считалъ сыча за знатока-пѣвца,
Лишь слышалъ брань его, а пѣсенъ не дождался,
И самъ, бѣдняжка, пѣть боялся.

—

Къ несчастію, у насъ поразвелись сычи,
Которые... ну, знаемъ ужъ, молчи.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

ВОЛЧЬЯ ЯМА.

Не рой другому яму: самъ въ нее попадешь.

Русская пословица.

—

На посидѣлкахъ, разъ, сосѣдъ Пахомъ,
Повздорилъ съ Осипомъ, своимъ почтеннымъ ку-
момъ;
Но дѣло кончилось лишь шумомъ,
И драки не было потомъ.
Сцѣпиться ихъ сосѣди не пустили
И подъ-руки до избъ до самыхъ проводили.
Признательно сказать, Пахомъ тогда былъ пьянъ,
И оттого такой онъ сдѣлался буянъ;

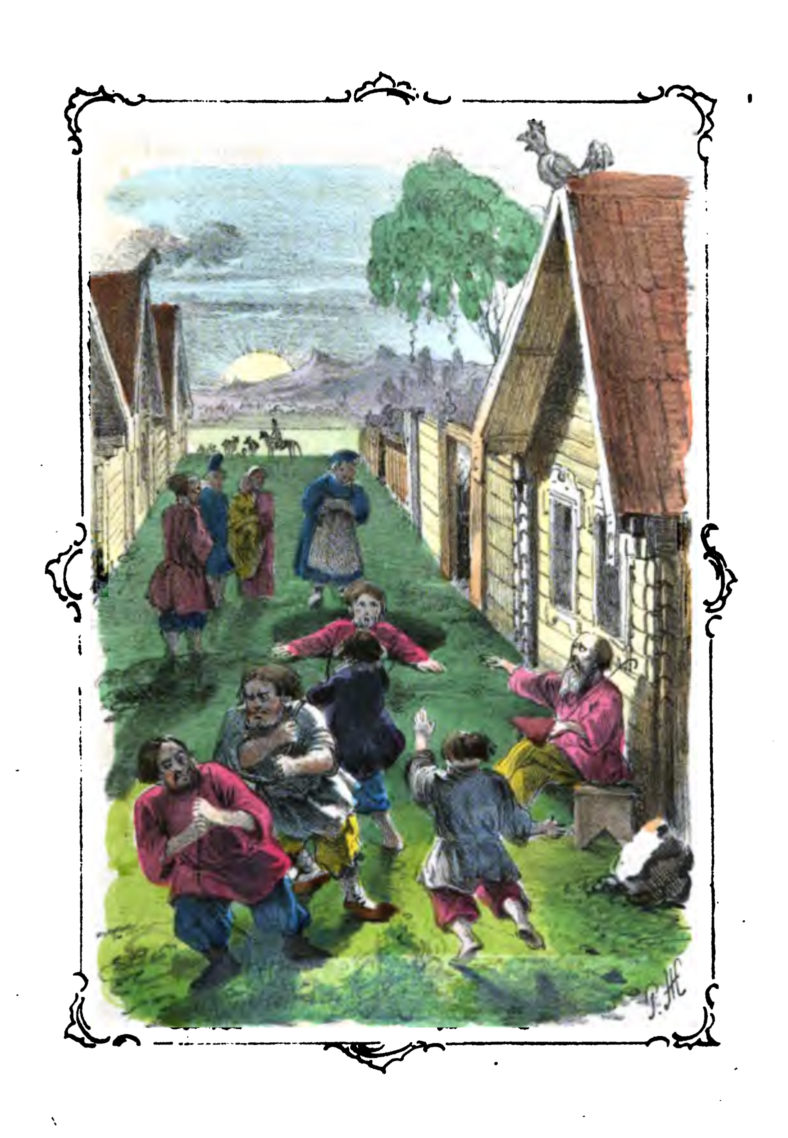
А въ трезвомъ видѣ онъ смирнѣе голубицы!
За то Пахомушку хвалили всѣ дѣвицы
Изо всего села,
И знатная молва объ немъ по міру шла.
А куму Осипу вотъ то-то и досадно!
—Молчи! онъ думаетъ: молчи, голубчикъ! Ладно!
Ужъ я тебѣ разокъ порядкомъ удружу!
Домой-то любишь ты все ночью возвращаться,
По посидѣлкамъ все привыкъ, злодѣй, таскаться!
А въ волчью яму я за это засажу!
Ночь просидишь, а въ день не оберешься сраму! —
Вотъ, Осипъ заступъ взялъ, усердно роетъ яму,
Ужъ вырылъ въ глубину аршина слишкомъ три,
По лѣстницѣ самъ вылѣзъ. «Ну смотри,
Пахомка! Ужъ, сидѣть тебѣ тутъ до разсвѣта!
Вишь—яма хворостомъ хитро какъ пріодѣта!
Во тьмѣ пойдешь домой, разиня ротъ,
Анъ яма у твоихъ воротъ.
Ужъ нечего сказать! сработана искусно!
Ночь въ ямѣ просидѣть куда те будетъ грустно!
Завоешь голосомъ, какъ волкъ!
А завтра-то въ селѣ какой начнется толкъ,
Ужъ сколько будетъ смѣху!
Достанешься ты всѣмъ, какъ дурень, на потѣху!»

Такъ Осипъ размышлялъ, и на печь легъ онъ спать.
Ночь темная! Зги не видать!
Въ одной лишь пребольшой избѣ огни свѣтились;
На посидѣлкахъ тамъ крестьяне веселились.
Вотъ стали гаснуть огоньки,
И побрели къ своимъ избамъ всѣ мужики.
Пахомъ, чтобъ не будить такъ поздно мать-старушку,
Не захотѣлъ стучаться у воротъ,
А перелѣзъ плетень, и черезъ огородъ
Вошелъ въ свою избушку.
Кумъ Осипъ между тѣмъ, разлегшись на печи,
Не можетъ глазъ сомкнуть: ему не спится.
«Да скоро ль въ яму-то злодѣй Пахомъ ввалится?»
Бормочетъ Осипъ такъ. «Ужъ врютишься, молчи!
Однакожъ не слыхать шаговъ его долгонько,
И въ ямѣ шуму нѣтъ какъ нѣтъ!
Не терпится, тьфу пропасть! Дай тихонько
Взгляну: не въ ямѣ ль ужъ сосѣдъ.»
Сказавши про-себя такія рѣчи,
Слѣзаетъ Осипъ съ теплой печи,
Накинулъ на плечи тулупъ и вышелъ вонъ.
Вотъ руки протянувъ впередъ, тихонько онъ,
Во тьмѣ, бредетъ къ избѣ Пахома,
Который ужъ давно храпитъ на печкѣ дома.

«Нѣтъ, видно не пришелъ еще домой, пострѣлъ!»
Такъ Осипъ проворчалъ, да въ яму и слетѣлъ!
«Ахти! Охъ батюшки! Отцы мои! Свалился!
Велико счастіе еще, что не убился!
Ну, Осипушка другъ! Теперь тутъ и сиди
Да утра терпѣливо жди!»
Присѣвъ на днѣ и съежась словно въ кадкѣ,
Нашъ Осипъ продрожалъ всю ночь какъ въ лихорадкѣ.
Вотъ солнце наконецъ изъ-за холмовъ взошло
И разбудило все село.
Калитку растворивъ, Пахомъ увидѣлъ яму
И, удивясь, въ нее онъ заглянулъ.
Нашъ Осипъ отъ стыда и сраму
Прикинулся, что онъ уснулъ.
«Ахти! кричитъ Пахомъ. «Сюда, ребята! Худо!
Смотрите-ка что здѣсь за чудо!»
На крикъ сбѣжались мужики,
Ребята, бабы, старики.
Огромная толпа вкругъ ямы собралася.
—Помилуй Господи! Что за бѣда стряслася!—
—Навѣрно лѣшій тутъ спроказилъ!—Мелешь вздоръ!

Не лѣшій—домовой!—А врешь: спроказилъ Бука!
—А я такъ думаю, что это чорта штука.
—Ну полно! Что за разговоръ!
Мы прежде вытащимъ сосѣда,
А дѣло міромъ порѣшимъ
Сегодня до обѣда.
Веревокъ поскорѣй! Ну право мы грѣшимъ.
Что толку въ болтовнѣ!—Всѣ это подтвердили,
И вотъ веревокъ вмигъ отвсюду натащили.
Три, посильнѣе, мужика
Веревку Осипу поддѣли подъ бока.
«У лю-лю-лю! Тащи! Тащи сильнѣй, ребята!
Спасемъ изъ ямы друга-свата!»
Вотъ Осипъ вытащенъ. »Какъ въ яму ты попалъ?»
Раздался общій крикъ. Тутъ на колѣни палъ
Предъ міромъ виноватый.
Затылокъ почесавъ, сказалъ онъ: «Други-сваты!
На чорта что клепать! Тутъ виноватъ я самъ,
И въ этомъ признаюся вамъ.»
Во всемъ нашъ Осипъ повинился,
И міру до земли смиренно поклонился.
«Господь проститъ!» раздался крикъ.
А между тѣмъ одинъ старикъ,

На палку длинную оперлись бородою,
Вздохнулъ и, головой качнувъ своей сѣдою,
Примолвилъ: «Яму ты другимъ не рой впередъ!
«Кто роетъ, тотъ въ нее, какъ разъ, и попадетъ.»

II.

ЛЯГУШКА-ПТИЦА.

—

Стрѣлокъ убилъ въ лѣсу орла;
Ружье попробовать надъ нимъ пришла охота.
Вотъ жертву поднялъ онъ, понесъ и близъ болота
Потомъ оставилъ. Тамъ жила
Лягушка; то еще не диво:
Могла бы жить себѣ прохладно и счастливо;
Но вотъ бѣда: она завистлива была,
Зачахла съ зависти! Ей не спалось, не ѣлось,
Все птицею прослыть хотѣлось,
Чтобы объ ней заговорилъ весь лѣсъ.
Тутъ дѣло ясное: смущалъ лягушку бѣсъ.

Лукавые на это доки.
Разъ выползла, съ тоски, лягушка изъ осоки,
Глядь: на травѣ орелъ лежитъ.
Вотъ и внушилъ ей мысль прехитрую лукавый.
«Теперь-то я добьюсь извѣстности и славы!»
Лягушка говоритъ.
Тотчасъ къ покойнику орлу она прыгнула,
Заплакала, вздохнула
И причитанье затянула,
Да такъ, что изъ болотъ всѣхъ вызвала сестрицъ;
Что даже изъ лѣсу слетѣлись стаи птицъ.
«Какая горькая, ужасная утрата!»
Лягушка квакаетъ. «Лишился лѣсъ орла,
Лишилась друга я, котораго, какъ брата,
Любила я и берегла.
А вы, завистники его! теперь стыдитесь!
Въ полетѣ, кто изъ васъ сравняется съ орломъ?
Никто! Онъ былъ одинъ. Куда вы всѣ годитесь,
Хоть бы съ хваленымъ соколомъ?
Не вамъ летать, не вамъ парить подъ облаками:
Удѣлъ вашъ по землѣ таскаться съ пѣтухами!
И кто постигъ орла? Лишь я могла постичь. .
Одна лишь я его цѣнила, понимала,
Да развѣ что сова, да нетопырь, да сычъ,

Мои пріятели. Толпа жъ его ругала.
Хотя орелъ толпу, какъ я же, презиралъ,
Но безъ меня бы такъ высоко не леталъ!
Онъ дружбою моей гордился, подкрѣплялся,
И оттого подъ облака взвивался.
О! будь онъ живъ еще, мы удивили бъ лѣсъ!
Да! мы съ орломъ надѣлали бъ чудесъ!
Безмѣрна въ немъ моя утрата!»
—Вы слышите ль, ребята? —
Примолвилъ тутъ дудакъ,
Изъ птицъ извѣстный всѣмъ простакъ.
—Лягушка-то летать сама, знать, torовата.
Жаль, очень жаль покойника орла!
А то у нихъ потѣха бы пошла!
Взвились бы такъ, что ай люли! мое почтенье! —
«Какое въ томъ сомнѣнье!»
Сказали хоромъ дудаки.
—Ахъ, дураки, вы, дураки.!—
Имъ ласточка, смѣясь, прощебетала:
—Вѣдь на покойника что хочешь, то клепли.
Лягушка-то сама когда летала
Хоть на аршинъ иль на два отъ земли?
Видалъ ли кто изъ васъ? Орлу ль она подъ пару! —
«Да, слышь, она жила съ орломъ-то, что сестра;

Она ему, слышь, придавала жару,
Такъ стало быть летать сама она хитра.
Съ чего жъ заводить ей небылицы.»
И вотъ, во всемъ лѣсу причли лягушку въ птицы.

III.

ПАХОМЪ И АНТИПЪ.

Самъ *безграмотный*, а хочетъ ѣсть пряники писанные.

Русская пословица.

—

На ярмарку собрался весь уѣздъ,
И въ городѣ такой необычайный съѣздъ,
Что голова болитъ отъ шума и содома.
Въ числѣ пріѣхавшихъ укажемъ на Пахома,
Который изъ села на ярмарку поспѣлъ,
А на телѣгѣ съ нимъ сосѣдъ Антипъ сидѣлъ.
Антипъ, не устрашась учительской указки,
А иногда приличной таски,
Давно читалъ пребѣгло сказки,

Равно исторію о томъ, какъ Совѣстдралъ
Обманывалъ глупцовъ, и дурней обиралъ.
Пахому не дались, къ несчастію, науки,
И не добился онъ узнать аза и буки.
Онъ А отъ Б никакъ не отличалъ!
Въ сужденіяхъ объ нихъ, съ достоинствомъ молчалъ.
И въ этомъ поступалъ онъ очень справедливо.
Живутъ и безъ наукъ спокойно и счастливо.
Пахомъ на ярмаркѣ съ Антипомъ! Ну, такъ что жъ?
Красавицъ видятъ тамъ, и видятъ бездну рожъ,
Товаровъ дорогихъ, дешовенькихъ рогожъ!
«Почтенные!» кричитъ мальчишка:
«Купите! Съ надписью: *Сія коврижка*
Изъ Вязьмы.—Дешево отдамъ!»
Пахомъ сказалъ: «Сосѣдъ! а купимъ пополамъ!»
—Не надо!—возразилъ Антипъ.—Дороговаты
Всѣ пряники съ письмомъ.—«Докажемъ, что мы хваты!»
Воскликнулъ такъ Пахомъ. «Я грамоту люблю!
И пряникъ писанный я для себя куплю!»

Подобные Пахомы
Не намъ однимъ знакомы.

IV.

ПО СЛУЧАЮ.

—

Оселъ широкой нивой
Въ раздумьи важно брелъ,
И вдругъ свирѣль подъ нивой
По случаю нашелъ.

Любуяся находкой,
Онъ сталъ ее лизать,
И на нее всей глоткой
По случаю дышать.

Оселъ не понимаетъ:
Что̀ переливъ, что̀ трель

Лишь дышетъ, а играетъ
По случаю свирѣль.

—

Какъ на осла, бываетъ
На всякаго смѣшно,
Кто сдуру поступаетъ
По случаю умно.

V.

КИРПИЧЪ И ЛЬДИНА.

—

Зимой лежалъ кирпичъ на льду
И думалъ: «вкругъ меня всѣ ходятъ то и дѣло!
А я лежу себѣ, на шагъ впередъ нейду.
На мѣстѣ быть одномъ мнѣ страхъ какъ надоѣло!
Ужъ двинусь же впередъ я наконецъ,
И докажу я всѣмъ: каковъ я молодецъ.»
Взломало ледъ весною,
И льдина по рѣкѣ несетъ кирпичъ стрѣлою.
Мелькаютъ селы, города.
Кирпичъ заговорилъ:—Смотрите, господа!
Что? Каково лечу впередъ? Взгляните,
И справедливо оцѣните:

Какого стоило мнѣ, кирпичу, труда,
Усердія, таланта и терпѣнья,
Чтобъ двинуться впередъ и выйти изъ забвенья.
Моимъ заслугамъ нѣтъ числа! —
Соскучась хвастаньемъ его, сказала льдина:
«Да перестань ты чваниться-то, глина!
Когда бъ не понесла
Тебя впередъ я, ненарокомъ,
Недвижно бъ ты лежалъ; теперь же лежебокомъ
Подвижнымъ, видишь, сталъ,
И вотъ онъ о себѣ, Богъ вѣсть что, замечталъ.
Не обижайся же, смотри, моимъ урокомъ,
И знай, что межъ людьми есть также кирпичи...»
—Эй льдина, берегись! прервалъ кирпичъ: Молчи!—

VI.

ДВА СОСѢДА.

—

«Послушай ты, сосѣдъ Пахомъ!»
Такъ говорилъ Ипатъ Пахому:
«Твой покривился на бокъ домъ!
Не пожелалъ бы я и недругу лихому
Въ твоемъ опасномъ домѣ жить.
Позволь же мнѣ тебѣ объ этомъ доложить.
Храни Господь—твой домъ свалится,
Убьетъ тебя съ женой, съ дѣтьми,
И лажете вы тутъ, какъ Святославъ костьми.
Наука, мой сосѣдъ, всегда, вишь, пригодится;
Про Святослава я исторію читалъ,
И вслѣдствіе того совѣтъ полезный далъ.

—Спасибо, мой сосѣдъ, за твой совѣтъ, спасибо!
Но въ домикѣ моемъ жить не боюся, ибо
Я прошлой осенью его переправлялъ,
И тѣмъ сосѣдей всѣхъ я перещеголялъ.—
«Ну было бъ сказано, а тамъ, какъ самъ ужъ знаешь.»
Съ досадой проворчалъ Ипатъ:
»Напрасно мой совѣтъ пренебрегаешь,
Задавитъ домъ тебя—не я ужъ виноватъ!»
Прошло еще дней съ пять; ударъ, подобный грому,
Спать помѣшалъ Пахому.
Надѣлъ онъ вмигъ колпакъ, халатъ,
И думаетъ: Ну, свѣта преставленье!
Или по крайности у насъ землетрясенье.!..
Явился передъ нимъ растрепанный Ипатъ.
—Что сдѣлалось? Скажи!—Пахомъ такъ восклицаетъ.
—Твой блѣдный видъ меня пугаетъ! —
«Ахъ, мой любезнѣйшiй сосѣдъ!
Никакъ не ждалъ такихъ я бѣдъ!
Оказiя съ моимъ домишкомъ!
Съ женою, дочкой и сынишкомъ
Я вышелъ осмотрѣть нашъ огородъ и дворъ
Изъ осторожности, чтобъ воръ
Не перелѣзъ черезъ заборъ.
Кухарка съ фонаремъ плелась за нами тоже;

За нею котъ, да песъ любимый мой, Азоръ.
Вотъ, продолжаемъ мы дозоръ,
Идемъ, и вдругъ—о Боже!
Услышали мы трескъ и громъ!
А знаешь отъ чего?... Обрушился мой домъ!
По счастію, одни сверчки да мыши
Погибли отъ паденья крыши,
А мы, какъ видишь, всѣ спаслись,
И вотъ, къ тебѣ, сосѣдъ, гурьбою приплелись.
Позволь мнѣ у тебя на время пріютиться,
Нельзя же на дворѣ съ семьею спать ложиться.
Я домъ свой живо починю,
Да и фасадъ перемѣню.
О красотѣ его мы никого не спросимъ,
И будетъ проченъ домъ: не даромъ деньги
бросимъ!
Но и тебѣ давно совѣтую сосѣдъ:
Свой домикъ почини, не наживи ты бѣдъ.»
— Нѣтъ-съ, знаю домикъ свой: стоитъ себѣ — и
только,
Паденія его я не боюсь нисколько.
И ты, пріятель мой, съ семьею не кочуй,
Живи ты у меня, и у меня ночуй,
Пока свой домъ не переправишь.

Тѣмъ удовольствіе большое мнѣ доставишь.

—

Въ какой-то книгѣ я недавно прочиталъ:
«Иного домъ валится,
А онъ боится,
Чтобъ домъ сосѣдній не упалъ.»

VII.

ДОЖДЬ И ГРАДЪ.

—

Отъ продолжительной засухи
Поблекли у крестьянъ поля,
Пшеница, рожь, овесъ и даже конопля.
Вздыхаютъ мужики, и охаютъ старухи;
У сельскихъ даже всѣхъ дѣвицъ
Не встрѣтите нигдѣ веселыхъ лицъ.
Вотъ, тучи наконецъ на небѣ постолпились,
И поселяне всѣ надеждой оживились;
        Какъ гостя, ждутъ дождя.
        Потомъ, немного подождя,
Посыпался и дождь, какъ будтобы сквозь сито.
Обрадовались всѣ, и горе позабыто.

Хоть дождь мелконекъ, правда, былъ,
За то шелъ ровно сутки,
Не отдыхая ни минутки,
И всѣ поля онъ очень освѣжилъ.
Въ одной изъ тучъ скрывался крупный
И чувству зависти доступный,
Честолюбивый градъ.
Увидѣвъ, какъ дождю всякъ радъ,
Онъ захотѣлъ его затмить своимъ явленьемъ.
Съ ужаснымъ шумомъ и стремленьемъ
Посыпался онъ на поля.
Погибли рожь, овесъ, пшеница, конопля!
Отчаянье землею овладѣло.
А граду чтó до этого за дѣло!
Ему пришло на умъ,
Что страхъ пріятны слава, шумъ;
Что про него во всѣхъ газетахъ,
Во всѣхъ гостиныхъ, кабинетахъ
Заговорятъ:
«Ужасный тамъ-то выпалъ градъ,
Попортилъ тьму полей, убилъ овецъ, телятъ,
Повыбилъ стекла, а такому
Крестьянину, да старостѣ Пахому
Ушибъ онъ больно носъ,

И пропасть, вообще, убытковъ онъ нанесъ.»
Окончивъ эти всѣ проказы,
Нашъ градъ сказалъ дождю такія фразы:
—Ну что ты думаешь, сосѣдъ?
Я вижу, что въ тебѣ стремленья къ славѣ нѣтъ!
Э! мямля! Падаешь на землю тихомолкомъ!
Вотъ, я распорядился толкомъ,
И обо мнѣ заговоритъ весь свѣтъ.—
«Ну, да! заговоритъ!» такъ дождикъ отвѣчаетъ:
«Пускай тебя молва, какъ хочетъ, величаетъ!
Ты, правда, очень нашумѣлъ,
А много ли надѣлалъ добрыхъ дѣлъ?»

—

Одинъ добро творитъ безъ шума, и безъ славы,
Другой шумитъ-себѣ для горя и забавы.

———

VIII.

ЗВѢЗДА И РАКЕТА.

—

Въ ночь темную звѣзда на небѣ засіяла,
Цвѣтами разными прелестно такъ играла,
Что любовались всѣ на ту звѣзду.
Въ какомъ-то фейерверкъ назначенъ былъ саду.
Услышавъ похвалы звѣздѣ, ракета
Сказала про себя: «Ну что̀ хвастунья эта!
Дай срокъ: не такъ я заблещу,
И всѣхъ гуляющихъ собою восхищу.»
Вотъ, наконецъ ракета засвистѣла,
Блеснула съ трескомъ въ высотѣ,
И тихо звѣздочка по небу полетѣла.
Она была прелестна въ темнотѣ.

Прекрасный цвѣтъ ея мѣнялся,
Ну каждый ею восхищался,
И «браво!» ей кричалъ.
Но вдругъ — увы! — весь блескъ ея пропалъ,
Ракета на̀-землю слетѣла;
Межъ-тѣмъ лучи звѣзды, какъ прежде, хороши.

—

Ракету мы сравнимъ съ красою тѣла,
Звѣзду же — съ красотой души.

IX.

ЧУЖОЙ КОНЬ.

Со чужаго коня среди грязи долой!

Русская пословица.

—

Разъ пошелъ Родіонъ
Изъ села во село.
Небо было свѣтло.
Вотъ и думаетъ онъ:
«Поклонюсь я кумѣ,
Дядѣ кстати поклонъ.
Я себѣ на умѣ!
Тамъ давно не бывалъ,
И кумы не видалъ,
Повидаюсь я съ ней,

А потомъ, поскорѣй,
Дядѣ справлю поклонъ,
Да скорѣе и вонъ!
Попрошу я коня,
Дядинъ конь, слышь, меня
Вмигъ домчитъ до села.
И была не была!»
Цѣлый день онъ деньской
Просидѣлъ все съ кумой,
И идетъ, какъ шальной,
Къ дядѣ лошадь просить.
Дождикъ началъ росить.
—Къ дядѣ ты? Дома нѣтъ! —
Говоритъ такъ сосѣдъ.
«Дома нѣтъ? Все равно!
Съ дядей дружны давно!
На его, на конѣ,
Поскачу я домой;
Человѣкъ-то онъ свой!
Видишь, дождикъ шумитъ,
Дядя, правда, сердитъ,
Но проститъ онъ меня,
Что его я коня,
Не спросясь, осѣдлалъ,

И домой поскакалъ.»
Скачетъ часъ онъ, другой.
—Это что? Кто такой? —
Голосъ хриплый кричитъ,
А племянникъ молчитъ.
—Да никакъ конь-то мой? —
«Ну вѣстимо, что твой!»
—Э! племянникъ, сойди!
Много верстъ впереди;
До села не дойду,
На дорогѣ паду!
Слѣзь, любезный, съ коня,
Подсади ты меня,
Поскачу я въ свой домъ,
Ты жъ дойдешь и пѣшкомъ,
Тамъ, какъ знаешь ужъ самъ.—
По лицу, по усамъ
Дождикъ хлещетъ ведромъ,
И ворчитъ Родіонъ,
(Знать, не въ духѣ былъ онъ):
«Ну, подъѣлъ онъ меня!
Впрочемъ правъ дядя мой:
Со чужаго коня
Среди грязи долой!»

X.

ДВА БРАТА И СВАТЬЯ.

На чужой роток, не накинешь платок.

Руcская пословица.

—

«Послушай ты, сосѣдъ Ипатъ!
Вѣдь мы съ тобой двоюродные братья.
Такъ я тебѣ скажу, какъ другъ и братъ,
Что про тебя, Ирина, наша сватья,
Превспригоже говоритъ,
Тебя и вкось и впрямь позоритъ!
А поперечитъ кто, ее лишь раззадоритъ,
Разбѣсится она; всѣхъ со смѣху моритъ.»
— Вотъ что оно!—сказалъ Ипатъ, и бородою
Предлинной и сѣдою
На палку оперся.—Вотъ что оно!
Ирины слова извѣстны мнѣ давно,

Да что же ожидать мнѣ отъ болтливой бабы;
Онѣ на язычокъ ужъ отъ природы слабы.
Пусть про меня болтаетъ, то и сё,
Наплюю я на все. —
«Ахъ нѣтъ, братанъ родной, нѣтъ, нѣтъ! За умъ
хватися,
И отъ ея рѣчей поберегися;
Нѣтъ, ты на все плевать, почтенный, не моги!
Ирину слушаютъ всѣ, всѣ твои враги,
И вѣрятъ ей, и то и сё болтаютъ,
И оченно тебя рѣчами обижаютъ.
—Ну чтожъ? Пусть обижаютъ! Пусть!
Богъ съ ними!—«Братецъ мой, воистину ты грусть
Рѣчами на меня наводишь,
И словно молодой дуришь и колобродишь!
Нѣтъ, дружескій совѣтъ любительно прими,
И эту бабу ты отъ болтовства уйми!»
—Да какъ уймешь! Самъ дьяволъ съ ней не сладитъ!—
«Ты не сердися, братъ! Увидишь, что уладитъ
Все дѣло вмигъ ворожея,
Знакомая моя.
Ужъ обѣщалась мнѣ Ирину обморочить,
Чтобъ перестала та клепать тебя, порочить.
Цѣлковый вся цѣна:

Сама назначила она.»
—Ворожеямъ-то, братъ, не оченно я вѣрю,
Да чтожъ, и вправь! не важную потерю,
Я понесу.
Изволь, цѣлковый къ ней сейчасъ же отнесу.
Пошли къ ворожеѣ, ей чинно поклонились,
Цѣлковый отдали и въ разговоръ пустились.
И вотъ какой совѣтъ ворожея дала:
«Чтобъ пустяковъ впередъ Ирина не врала,
Я дамъ тебѣ, дружокъ, съ шептаньемъ, съ наговоромъ,
Вотъ этотъ старенькій, мой носовой платокъ.
Ты наложи его Иринѣ на ротокъ.»
—Смотри, чтобъ дѣло-то не кончилося вздоромъ!—
«И! мой отецъ! ужъ ты мнѣ вѣры!
Клепать тебя тотчасъ Ирина перестанетъ,
И даже выхвалять по всей деревнѣ станетъ.»
—Ну ладно, тетушка!—Поклонъ, да оба въ дверь;
Идутъ себѣ, и вдругъ на встрѣчу имъ Ирина.
Старикъ Ипатъ обнялся съ ней, потомъ
Учтивымъ образомъ накрылъ ей ротъ платкомъ.
«Ахъ ты мошенникъ, ахъ скотина!
Смѣяться вздумалъ надо мной!
Да погоди, дружокъ, вѣдь я не кто иной!
На всю тебя срамить деревню стану.

Такому пентюху и старому болвану,
Обиды ввѣкъ я не спущу.
Да и тебѣ, родня, голубчикъ, отомщу.»
И въ гнѣвѣ, на рысяхъ Ирина полетѣла.
— Ну братъ,
Сказалъ Ипатъ:
— Надѣлали мы дѣла!
Накликалъ я бѣду на голову свою!
Чтобъ чортъ побралъ твою ворожею!
Ну вотъ-те и цѣлковый!
А виноватъ-то кто во всемъ? Ты, безтолковый.
«Да, братецъ мой, самъ вижу: дѣло дрянь,
Откуда на него ни взглянь.
Я завтра же задамъ колдуньѣ потасовку.
Куда унять платкомъ Ирину-колотовку!
Не гнѣвайся лишь только на меня!
—Ну ладно, Богъ проститъ! Вѣдь мы съ тобой родня.—

—

Ни чарами, ни чѣмъ, ни старыми платками
Не слаживалъ никто съ клеветниками.
Клеветниковъ считаемъ мы
Неистребимѣе холеры и чумы.

XI.

ИНДѢЙСКІЙ ПѢТУХЪ И ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ.

—

Орелъ въ поднёбесьи явился.
Со страху цѣлый птичій дворъ
Засуетился.
Кто подъ крыльцо, кто подъ заборъ, —
Всѣ спрятались. Одинъ пѣтухъ индѣйскій
Вверхъ гордо на орла глядѣлъ,
Горланилъ, дулся и пыхтѣлъ.
«Смотри ты! У орла вѣдь умыселъ злодѣйскій!
Чтобъ не схватилъ тебя грѣхомъ.»
Такъ началъ разговоръ цыпленокъ съ пѣтухомъ.
—Молчи, молокососъ! Индѣецъ отвѣчаетъ.

—Пускай васъ всѣхъ, глупцовъ, орелъ стращаетъ!
Вы трусы всѣ! Что мнѣ орелъ!
Коль струсилъ бы его, то былъ бы я оселъ.
Меня храбрѣе нѣту птицы!—
Въ минуту эту изъ столицы
Огромнѣйшій поднялся въ воздухъ шаръ,
И видъ его нанесъ чувствительный ударъ
Индѣйской храбрости. Предавшись съ крикомъ бѣгу,
Запрятался пѣтухъ подъ грязную телѣгу.
Цыпленокъ говоритъ: «А! струсилъ же, мой свѣтъ!»
—Кого? Орла? сказалъ пѣтухъ: Ни мало! Нѣтъ,
Явилась птица, да такая,
Что втрое болѣе вотъ этого сарая!
По чести я не лгу! Признаться, я струхнулъ,
И вотъ сюда стрекнулъ.
Боюсь, чтобъ насъ она съ телѣгой не схватила!
Въ когтяхъ ея должна чертовская быть сила!

—

Гдѣ очевидно быть бѣдамъ,
Невѣжды часто тутъ храбрятся,
Наоборотъ же трусятъ тамъ,
Гдѣ вовсе нечего бояться.

———

XII.

ОДНО ПОРУЧЕНІЕ ДВУМЪ.

«Послушай-ка ты, Ваня,
Или хоть ты, пожалуй, Таня,
Записку надобно снести къ сестрѣ моей:
Сегодня мой сосѣдъ зоветъ къ себѣ гостей,
И надобно сестрѣ и мнѣ, къ сосѣду
Поспѣть, къ обѣду.
Снесите же записку поскорѣй,
А я, пока, на часъ-другой уѣду.
Смотрите жъ, безъ меня, чтобъ не было проказъ!»
Служанкѣ и слугѣ такъ баринъ далъ наказъ,
А самъ изъ дома вонъ. «Неси же поскорѣе!»
Сказала Таня Ванѣ такъ:

«Ты бѣгаешь меня быстрѣе.»
—-Да чтожъ я буду за дуракъ!
Тебя я, право, не глупѣе. —
Лакей служанкѣ возразилъ:
—Поболѣе тебя записокъ я носилъ,
Лѣнивица! —«Молчи, татаринъ!»
—Да вѣдь тебѣ велѣлъ снести записку баринъ!—
«Лжешь! Онъ велѣлъ тебѣ!» — Городишь, дура,
вздоръ. —
До вечера весь этотъ умный споръ
Продлился.
А баринъ за столомъ не мало удивился,
Что не была въ числѣ гостей его сестра,
Хотя записку къ ней отправилъ онъ съ-утра.

—

Изъ басни выведемъ мы то нравоученье,
Безъ всякихъ, дальнихъ думъ,
Что неудобно разомъ двумъ
Давать одно и тоже порученье.

———

XIII.

МЕДВѢДЬ И КРОЛИКЪ.

—

Медвѣдь и кроликъ такъ сдружились,
Что звѣри всѣ въ лѣсу весьма тому дивились.
Гдѣ мишка, ужъ и кроликъ тамъ.
Добычу всю они дѣлили пополамъ.
Нарветъ, примѣромъ, кроликъ травки,
Не утаитъ травы на вѣсъ булавки,
И мишку подчуетъ; тотъ повалитъ быка,
И мясомъ подчуетъ любезнаго дружка.
Медвѣдь не ѣстъ травы, а кроликъ—мяса,
Но не смотря на то, межъ ними все велася
Такая дружба, что ее не описать,

Ни въ баснѣ разсказать!
Гордился дружбою съ медвѣдемъ кроликъ бѣлый,
И прыгалъ вкругъ него, какъ будто угорѣлый,
И началъ съ радости медвѣдя обнимать.
«Не стыдно ли тебѣ колодою лежать?»
Такъ кроликъ говоритъ: «Лежать вѣдь не здорово!
Вѣдь я люблю тебя, ты знаешь,—право слово!
Ты встань-ка мишенька; со мною поскачи!»
—Молчи! ворчитъ медвѣдь: не разсерди! Молчи!
Скакать по-твоему мнѣ вовсе не пристало!
«Принужу поскакать, во чтобы-то ни стало!»
Воскликнулъ кроликъ такъ,
И подъ бока пырнулъ медвѣдя онъ ушами,
Ну словно быкъ рогами.
Обидно!—разсудите сами!
Медвѣдь приподнялся и крикнулъ: «Ты—дуракъ!
Сожму тебя я въ лапѣ,
Да съѣмъ,—и дѣло будетъ въ шляпѣ.
На первый разъ тебя прощу,
Но ужъ за то впередъ тебѣ я не спущу!
Умѣй ты съ другомъ обходиться!»

—

Опасно кроликамъ съ медвѣдями дружиться.

XIV.

РЫЖИКЪ И МУХОМОРЪ.

—

Въ лѣсу росли чуть-чуть не рядомъ
 Большой, красивый мухоморъ,
Да рыжикъ маленькій, невзрачный очень складомъ,
И вотъ какой они имѣли разговоръ.
—Ну что ты, рыжая фигура!
Куда тебя обидѣла натура!
Взгляни ты на меня:
Какой мой ростъ и видъ удалой!
И какъ красивъ я въ шляпѣ ярко-алой!—
Смиренно голову склоня,
Сосѣду рыжикъ отвѣчаетъ:
«Что я не взраченъ—всякъ-то знаетъ,

Однакоже меня тебѣ предпочитаетъ:
Пріятенъ людямъ я
По добрымъ качествамъ природнымъ,
А ты слывешь вездѣ грибомъ негоднымъ.
Хоть, правда, ты красивъ на-видъ,
Да ядовитъ.

—

Вы догадаетесь и сами:
Кто сходенъ съ этими грибами.

XV.

НАПОЛЕОНЪ И ХАРЧЕВНИКЪ.

—

Харчевникъ Ермолай
Престрашный былъ хвастунъ и забіяка.
Случится ли въ селѣ межъ мужиками драка,
Ну такъ и знай,
Что Ермолай нашъ тутъ, какъ тутъ, на мѣстѣ боя,
И съ храбростью героя
Наноситъ кулакомъ тузы
Всѣмъ тѣмъ, кто силой по-слабѣе;
Когда жъ замѣтитъ онъ бойца себя сильнѣе,
То съ легостью козы
Бѣжитъ храбрецъ нашъ безъ оглядки,
Ну такъ, что лишь сверкаютъ пятки.

Въ двѣнадцатомъ году, когда Наполеонъ
Къ границѣ отъ Москвы стремился,
Погрѣться съ маршалами онъ
Въ харчевнѣ той остановился,
Гдѣ былъ хозяиномъ нашъ храбрый Ермолай.
Жена его, взглянувъ изъ своего окошка,
Вспрыгнула словно кошка,
Крича: «Бѣда, ай батюшки! Ай! ай!»
—Что сдѣлалось съ тобой? О чемъ горланишь,
дура?
Что ты за жалкая, трусливая фигура!—
Воскликнулъ Ермолай,—«У нашего крыльца
Французы съ лошадей слѣзаютъ!»,
—Ну чтожъ! Такого молодца,
Какъ я, они не испугаютъ.
Я ихъ поподчую чайкомъ
Съ кизлярской водкой, аль съ ромцомъ,
И будетъ дѣло все съ концомъ.
Да перестань дрожать, точь-въ-точь отъ ли-
хорадки!
Чего бояться ихъ! съ меня вѣдь взятки
гладки.
Заваривай скорѣе чай,
Живѣе поверни ты дѣломъ.—

Такъ говорилъ женѣ нашъ храбрый Ермолай,
А самъ всѣмъ тѣломъ
Ну что твой листъ осиновый дрожалъ,
И съ чашками подносъ едва въ рукахъ дер-
жалъ.
Съ преизмeннымъ, чуть не земнымъ покло-
номъ
Поставилъ онъ подносъ передъ Наполеономъ.
Цѣлковый заплатилъ Наполеонъ за чай,
И въ путь отправился. Бѣжитъ нашъ Ермолай
Къ женѣ, которая забилась подъ перину.
«Ну полно трусить-то, скорѣе вылѣзай?
Нѣтъ, господа французы, нашихъ знай!
Не испугать такого вамъ дѣтину!
Со святой у меня былъ самъ Наполеонъ,
Чай чинно выкушалъ; когдажъ замѣтилъ онъ
Мой ростъ, дородство плечъ, мою медвѣжью
лапу,
То поскорѣй надѣлъ онъ шляпу
И мигомъ изъ харчевни вонъ!».
—Никакъ графинчикъ тамъ разбился?
Спросила такъ жена.—Какъ грѣхъ такой слу-
чился?—
«А вотъ что, матушка! Нарочно подшутилъ,

Графинъ съ кизлярскою съ подноса я спу-
стилъ,
И маршаламъ штаны обрызнулъ водкой.
Себѣ я на-умѣ, хоть даромъ что съ бородкой.
За шутку похвалилъ меня Наполеонъ,
А маршалы—такъ нѣтъ, сказали всѣ: кошонъ!
Моя проказа ихъ немного разсердила.»
—Что за кошонъ такой? жена спросила.
«Французской грамотѣ хоть не учился я,
«Но слышалъ, что кошонъ — по нашему:
свинья.
—Не уронилъ ли ты графинчикъ-то отъ стра-
ху? —
«Вотъ-на! Что вздумала! Э! дура! Ну ихъ къ
праху,
Французовъ этихъ всѣхъ!
Коль я боялся бъ ихъ, не поднялъ бы на смѣхъ.»

—

Найдетъ въ себѣ кто сходство съ Ермолаемъ,
Тому мы храбрости и здравія желаемъ.

XVI.

ПИВО И ШАМПАНСКОЕ.

—

Шампанскому сказало пиво:
«Не меньше я тебя игриво
И шумливо.
Всѣмъ нравится игра твоя и шумъ,
А я за что живу въ презрѣніи, въ загонѣ?
Постой! Возьмусь-ка я за умъ!
Теперь съ тобой стоимъ мы рядомъ на балконѣ,
Между цвѣтовъ, плодовъ, кондитерскихъ сластей;
Такъ удивлю жъ я всѣхъ гостей,
Не ограничусь я какимъ-нибудь стаканомъ!
Нѣтъ! пробкой хлопнувши, забью такимъ фонта-
номъ,
Что плѣшь хозяина и скатерть оболью,

И удаль вообще всѣмъ покажу свою!»
Прегромко выстрѣлило пиво,
И бѣлый, пѣнистый фонтанъ забилъ на-диво.
Салфеткой лысину хозяинъ вмигъ обтеръ,
Бутылку съ пивомъ хвать, и выбросилъ на дворъ.
Пролившись на землю, такъ пиво разсуждаетъ:
Вотъ какъ людская злость таланты награждаетъ!
Шампанское я пѣной превзошло
И больше нашумѣло.
«Не въ пѣнѣ и не въ шумѣ дѣло!»
Сказало пиву такъ стекло
Разбившейся бутылки:
«Твои порывы хоть и пылки,
Да пользы нѣтъ въ нихъ никакой.
Шампанскаго жъ талантъ совсѣмъ другой.»

—

Съ кѣмъ бы сравнить шампанское и пиво?
Нѣтъ лучше замолчать! То болѣе учтиво.

———

XVII.

ДВѢ КОРОВЫ.

Бодливой коровѣ Богъ роգъ не даетъ.
Русская пословица.

—

Комолая корова говорила
Рогастой спутницѣ своей:
«Ахъ, еслибы меня природа одарила
Рогами, какъ твои, тогда, ей, ей!
Я спуску не дала бъ ни свату
И ни брату,
На славу бы бодаться такъ пошла,
Что ты бъ сама меня героемъ назвала.»
—Эхъ ты, кормилица моя, къ чему бодаться,
Пріятнѣй во сто разъ по полю прогуляться,

Лечь на траву рядкомъ,
Да помычать ладкомъ,
Потомъ безъ драки и содому
Вернуться на ночлегъ благополучно къ дому.
Въ боданьи право нѣтъ пути!
За правду не сердись и ты меня прости!—
Комолая мычитъ: «Я вижу, что ты дура,
И что въ тебѣ негодная натура!
Дай мнѣ свои рога, я все переверну
По-своему! Тебя черезъ себя швырну
И взбѣленю все стадо.»
—Вотъ этого-то и не надо:
Бодлива больно ты, мой свѣтъ,
Сейчасъ затѣяла бъ по пустякамъ тревогу,
Да, вишь, роговъ-то нѣтъ,
За что и слава Богу.—
И обѣ въ хлѣвъ пошли, въ обратную дорогу.

—

Какая басни сей мораль?
А та, что межъ людьми комолый враль
Имѣетъ вѣчно страсть по-пустякамъ бодаться.
Желаемъ всѣмъ вралямъ счастливо оставаться.

———

XVIII.

БОГИНЯ.

—

Издревле на землѣ богиня обитала.
Ей имя «Разумъ.» Самъ Зевесъ
Послалъ ее съ небесъ,
Чтобъ смертнымъ путь она ко счастью указала;
Но ахъ! никто ея совѣтамъ не внималъ,
Страстями, глупостью всякъ ей надоѣдалъ.
Бѣдняжка — ужасъ, какъ — страдала,
Вѣдь, право, глупости людской
Всѣ перечислить виды —
Не то ли жъ, что налить водой
Прошибенный боченокъ Данаиды
И всѣхъ ея сестрицъ, которыхъ Зевса гнѣвъ

Боченокъ тотъ безъ дна, послалъ налить въ Эревъ.
Богиня, претерпя гоненія, обиды,
Свои пожитки собрала
И въ дальнюю страну безъ паспорта ушла.
Ужъ поздно смертные бѣглянки спохватились,
Толпами цѣлыми въ догонку ей пустились,
Обѣгали за ней весь свѣтъ,
И все успѣха нѣтъ!
А виноватъ-то кто? Все глупости людскія!
Не знаютъ ужъ теперь: богиня гдѣ живетъ,
И нынче умнымъ тотъ слыветъ,
Кто глупъ поменьше, чѣмъ другіе.

XIX.

СОНЪ ПОДЬЯЧАГО.

—

Пробывъ лѣтъ воссмь подъ судомъ,
Просилъ подьячій о рѣшеньи.
Объявлено ему, что въ сильномъ подозрѣньи
Оставленъ онъ за то, что нажилъ домъ,
Но такъ-какъ не нашлось достаточной улики,
(Хотя грѣхи его и были страхъ велики,)
То нашъ подъячій былъ прощенъ
И отъ дальнѣйшаго суда освобожденъ.
Приснилось разъ ему, что будто бы карета
  Подъѣхала къ его крыльцу,
Потомъ красавица — прекрасно разодѣта —
  Дверь отворила кабинета

И стала передъ нимъ лицомъ къ лицу,
Сказавъ при томъ такія рѣчи:
«Навѣрное забыли вы меня.
Никакъ со мной не ожидали встрѣчи.
Я вамъ скажу, что вѣдь — родня
И близкая родня мы съ вами.»
— Помилуйте! клянуся небесами,
Что васъ, сударыня, не знаю я совсѣмъ.
Пришли ко мнѣ, Богъ вѣсть зачѣмъ!
«Вглядитесь, вспомните!» такъ гостья продолжаетъ.
Вотъ, онъ очки со лба на красный носъ спускаетъ,
И гостьѣ дѣлаетъ внимательный обзоръ,
— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, вы выдумали вздоръ,
И шутите лишь только надо мною.
Вы не были мнѣ никогда родною!
Позвольте мнѣ вашъ чинъ, фамилію узнать,
Не-то принудите въ Полицію послать,
Чтобъ допросили васъ: зачѣмъ такую повѣсть
Изволили сплести.
Навѣрно что-нибудь хотѣли унести.
«Не обижайте! Вамъ скажу: кто я. Я — совѣсть.»
— Не слыхивалъ фамиліи такой!—
И гостьѣ указалъ подъячій дверь рукой.
«По крайней мѣрѣ вы меня хоть въ дѣтствѣ знали,

Меня любили, уважали.
— Нѣтъ! совѣсти не зналъ я — видитъ Богъ! —
И гостью проводилъ хозяинъ за порогъ.

XX.

ШУБА И ОПУШКА.

—

Какой-то былъ чудакъ,
Который на зиму устроилъ шубу такъ:
Мѣхъ теплый, дорогой нашилъ онъ на опушку,
А подъ исподъ купилъ истертую мерлушку,
И въ первый же морозъ жестоко онъ озябъ,
За-то опушкою предъ всѣми величался.
Въ послѣдствіи же самъ сознался,
Что въ логикѣ онъ былъ немножко слабъ.

—

Такъ многіе, блестя наружной лишь опушкой,
Зимою грѣются истертою мерлушкой.

XXI.

СОРОКОВОЙ МЕДВѢДЬ.

«А что, Трофимъ, идемъ сегодня на охоту?»
Охотникъ такъ товарища спросилъ.
— Не знаю, Поликарпъ! Вонъ, дождикъ заросилъ.—
«Такъ что жъ!... Да что съ тобой? Какую-то заботу,
Какой-то страхъ
Я вижу у тебя въ глазахъ.»
— А вотъ, товарищъ, что̀: вѣдь знаютъ всѣ сосѣди:
Мнѣ страшны ли медвѣди.
Изъ нихъ я уходилъ ужъ тридцать девять штукъ,
Такъ что мохнатый мнѣ мишукъ!
Но знаешь ли? у насъ, въ Сибири, есть повѣрье,
Что для охотника медвѣдь сороковой

Почти всегда бываетъ роковой. —
«И! полно, Трофинька! ну что за суевѣрье!
У меткаго, какъ ты, стрѣлка
Не дрогнетъ выстрѣлить рука
Хотя бы и въ сороковаго.
Моя винтовка ужъ готова.
Пойдемъ, Трофимъ! Хоть я плохой стрѣлокъ,
Но отъ опасности не спрячусь въ уголокъ,
И выстрѣлю въ упоръ по звѣрю,
Потомъ рогатину всажу ему я въ бокъ.
Повѣрьямъ бабьимъ всѣмъ, примѣтамъ я не вѣрю.
Что въ нихъ за прокъ!»
Пошли охотники въ дорогу,
И черезъ часъ, въ лѣсу, наткнулись на берлогу.
Оттуда вылѣзъ звѣрь, да — Господи! — какой!
Мохнатый, черный, пребольшой!
Вставъ на дыбы, идетъ медвѣдь ужасный
На двухъ своихъ враговъ.
Ужъ отъ него до нихъ съ десятокъ лишь шаговъ.
И въ этотъ самый мигъ рѣшительный, опасный,
Трофимъ далъ промахъ изъ ружья.
— Пропалъ, несчастный, я! —
Подумалъ онъ; но Поликарпъ проворный
Свою винтовку разрядилъ

И пулей грудь насквозь медвѣдю просадилъ.
Упалъ, ревя, боецъ нашъ чорный,
Но въ ярости, собравъ остатокъ силъ,
На Поликарпа наскочилъ.
А тотъ рогатиной удачно принялъ звѣря,
И крикнулъ: «Гей, Трофимъ! да шевелись, тетеря!
Стрѣляй, стрѣляй скорѣй!
Ой батюшки! Трещитъ рогатина и гнется.
Да шевелись же, дуралей,
Не то мнѣ умирать придется.»
Опомнился Трофимъ, ружье онъ зарядилъ,
Къ медвѣдю подбѣжалъ и наповалъ убилъ.
«Вотъ, видишь ли, Трофимъ, я, чуждый суевѣрья,
Плохой стрѣлокъ, тебя отъ смерти спасъ,
А ты, лихой стрѣлокъ, для бабьяго повѣрья
Чуть не скормилъ меня медвѣдю. Кто жъ изъ насъ,
Отъ суевѣрья и отъ страха,
Далъ непростительнаго маха?»
— Любезный Поликарпъ! Во всемъ виновенъ я!—
«Ну, ладно! Будемъ же, Трофимъ, опять друзья.»

XXII.

ТОПКА ПЕЧЕИ.

—

Бранилъ хозяинъ разъ слугу
За то, что топитъ печи худо.
«Сегодня въ топкѣ самъ тебѣ я помогу,
И будетъ такъ тепло, что чудо!»
Хозяинъ былъ добрякъ, но страхъ нетерпѣливъ
И тороплив.
Вотъ самъ онъ и слуга за дѣло принялися.
Дрова удачно всѣ зажглися;
Хозяинъ собственной рукой
Дрова ворочаетъ усердно кочергой,
Отъ печи къ печи переходитъ
И глазъ съ огня не сводитъ.

«Смотри-ка ты, Ефремъ, дрова-то какъ горятъ!
А угли-то, какъ золото, блестятъ!
Ну, трубы закрывай проворнѣе, Ефрешка!»
— Не рано ли-съ? Пожалуй, головешка
Останется, Чтобъ намъ, грѣхомъ, не угорѣть!
Еще не худо бъ разъ всѣ печи осмотрѣть. —
«Молчи, тюлень! Ты вѣчно мямлить любишь,
И оттого дрова напрасно губишь.
Пожалуйста, ты не зѣвай
И смѣло трубы закрывай.»
Слуга закрылъ всѣ трубы,
И стали комнаты теплѣй медвѣжьей шубы,
Но черезъ нѣсколько минутъ
Весь домъ наполнился ужаснѣйшимъ угаромъ.
Чтожъ дѣлать было тутъ?
Всѣ трубы, форточки раскрыли настежъ!... Да-
ромъ,
Какъ носится молва,
Пропали всѣ сожженныя дрова,

—

Все надо дѣлать впору,
Не торопясь
И не лѣнясь,
Чтобы не вышло зла иль вздору.

XXIII.

ПОКУПЩИКЪ И ПРОДАВЕЦЪ.

—

«Ну что бы вамъ купить на Волгѣ деревеньку.»
— А какъ цѣна?
Быть можетъ, дорога она? —
«Да чтожъ? заплатите не вдругъ, а помаленьку.
Деревня, просто, кладъ.»
— Извольте, по рукамъ! Я радъ
Купить имѣнье,
Но только въ томъ встрѣчаю затрудненье:
Гдѣ взять наличный капиталъ. —
«Я это все ужъ разсчиталъ:
Вы можете купить въ кредитъ, потомъ частями
Всю сумму выплатить!»—Какъ я обязанъ вами!

На волгѣ разведу большой, фруктовый садъ,
Для дома барскаго я начерчу фасадъ
Прелестнѣйшій! Весь домъ я въ годъ построю,
Всю вотчину на образецъ устрою,
И семипольное хозяйство заведу. —
«Совѣтовалъ бы вамъ и фермою заняться.
Вѣдь земледѣліе не можетъ улучшаться
Безъ скотоводства.»—Такъ! вы правы! Я въ саду
Отличный скотный дворъ поставлю,
Породами скота вездѣ себя прославлю.
На Волгѣ же, своихъ дворовыхъ всѣхъ людей
Я пріучу ловить аршинныхъ стерлядей,
Бѣлугъ и осетровъ. Обогащусь я Волгой! —
«Такъ что жъ и толковать намъ долго,
Коли согласны вы имѣніе купить.»
— А гдѣ оно? позвольте васъ спросить.
Въ какой губерніи? — «Въ Симбирской.» —
Превосходно!
Ну сколько же вамъ взять съ меня угодно? —
«Какъ взять »—Ну да! Деревнѣ какъ цѣна?—
«Не знаю! не моя она.»
— Не ваша?... Какъ же такъ?... Что жъ въ вашихъ
мнѣ совѣтахъ!
Гдѣ взять мнѣ капиталъ?

А я-то замечталъ!...
«Простите вы меня! я вамъ и не сказалъ,
Что я деревню ту подмѣтилъ лишь въ газетахъ.

—

Какъ часто и въ другихъ дѣлахъ
Вся польза состоитъ въ совѣтахъ да въ мечтахъ.

XXIV.

РЕПЕИНИКЪ И КРАПИВА.

—

Репейнику крапива говоритъ:
«Ты колешь всѣхъ и задираешь,
А для чего — и самъ не знаешь.
Вишь, злой какой! На цѣлый свѣтъ сердитъ!»
— А ты-то что? Всѣхъ жжешь—и только.
Не лучше ты меня нисколько!—
Таковъ репейника крапивѣ былъ отвѣтъ.
«Не правда! Ты меня во всемъ гораздо хуже.»
—Нѣтъ! хуже ты! Сошлюсь я въ томъ на цѣлый
свѣтъ. —

—

И у людей дурныхъ привычку видимъ ту же:
Имъ меньше стыдно зло творить,
Когда другаго въ злѣ имъ можно укорить.

XXV.

ОСЕЛЪ И КОНЬ.

—

Оселъ въ собраніи звѣрей
Однажды разсуждалъ и приводилъ доводы:
Людской, де, нѣтъ глупѣй и не было породы.
Не знаемъ мы, за что честилъ онъ такъ людей.
Хозяинъ, можетъ быть, ѣздой его измучилъ,
Иль слишкомъ тяжело навьючилъ;
Но только онъ людей безъ милости бранилъ.
Въ нихъ капли нѣтъ ума, ораторъ говорилъ,
Я это докажу: хозяинъ мой недавно,
(По чести это презабавно!)
Сосѣду такъ сказалъ: «Конца твоихъ затѣй
Тебѣ, братъ, не видать, какъ и своихъ ушей.»

Ну можно-ль говорить нелѣпицу такую!
Мнѣ на уши смотрѣть совсѣмъ немудрено.

—

Задачу, молвилъ конь, тебѣ я растолкую:
То глупо для осла, что для людей умно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

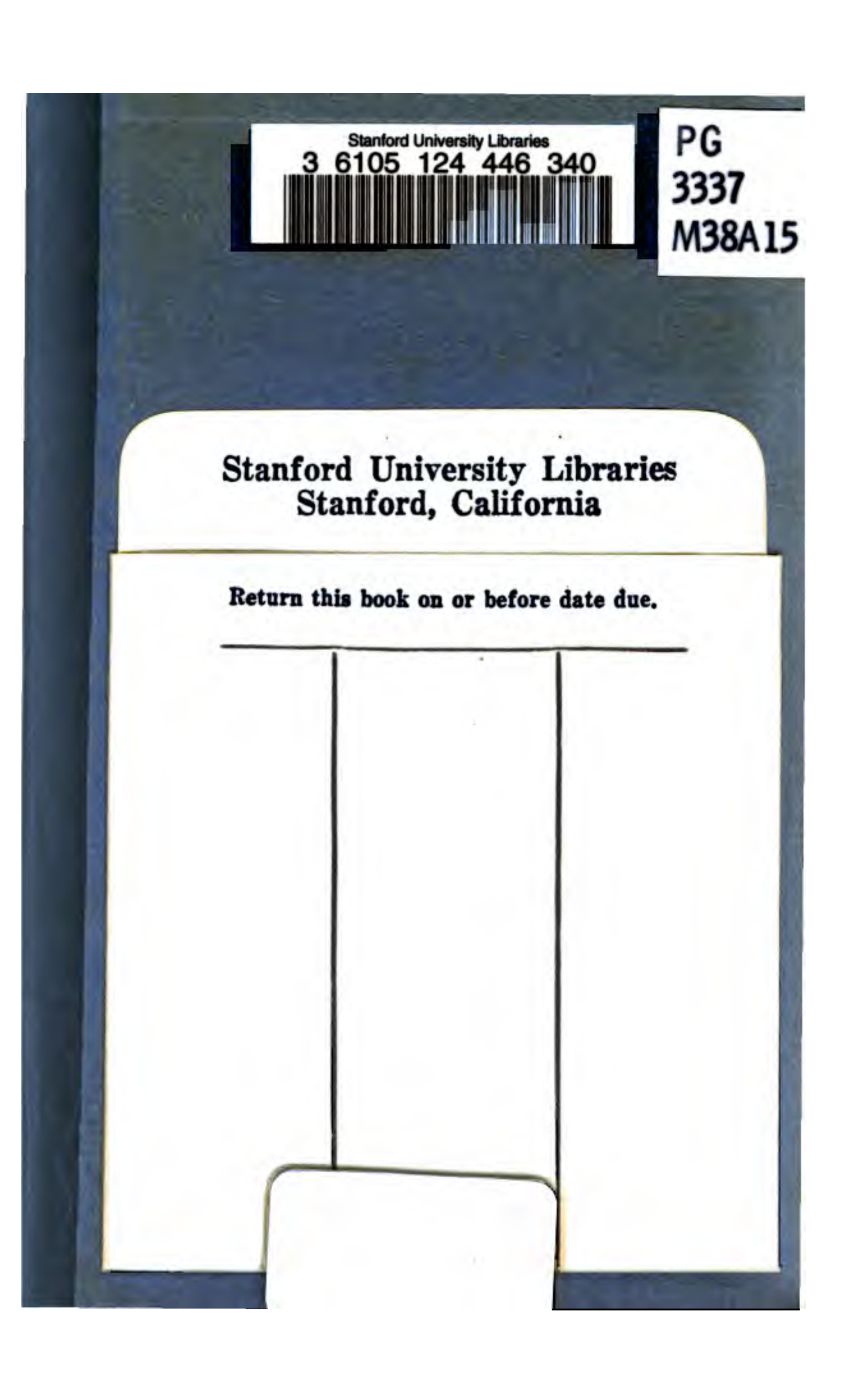
Стр.

Книга вторая.

Десять картинокъ къ баснямъ 1-й, 6-й, 11-й, 16-й, 20-й первой книги; 1-й, 6-й, 11-й, 16-й, 21-й второй книги сочинены и рисованы Р. К. Жуковскимъ; отпечатаны въ литографіи К. Крайя. Четыре картинки къ баснямъ 1) Орлянка, 2) Сычъ, 3) Сонъ подъячаго, 4) Оселъ и конь, сочинены и рисованы *неизвѣстнымъ*; гравированы на деревѣ Л. А. Сѣряковымъ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 340
PG
3337
M38A15
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

